СТИХИ

О СТАЛИНГРАДЕ

СТАЛИНГРАД 1944

СТИХИ О СТАЛИНГРАДЕ

ОБЛАСТНОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
СТАЛИНГРАД 1944

ПРЕДИСЛОВИЕ

В сознании каждого советского человека Сталинградская эпопея навеки осталась как блестящий пример непревзойденного мужества и геройства сынов и дочерей нашей родины, бесстрашных бойцов и полководцев, стяжавших себе немеркнущую славу в великом сражении под Сталинградом.

Сталинградская битва открыла новую страницу в истории отечественной войны советского народа против немецко-фашистских захватчиков. Сталинград явился поворотным пунктом войны. Здесь были развеяны в прах планы гитлеровского командования достичь решающей, окончательной победы на советско-германском фронте в 1942 году. От Сталинграда началось грандиозное наступление Красной Армии, потрясшее всю немецкую военную машину.

«Сталинград был закатом немецко-фашистской армии. После Сталинградского побоища, как известно, немцы не могли уже оправиться» (И. Сталин).

В героической эпопее Сталинграда нашли свое яркое выражение лучшие качества нашего народа — его несокрушимая сила и мужество, беспредельная любовь к отчизне, непреклонная воля к победе. Никогда в памяти благодарного человечества не померкнет бессмертный образ железного русского солдата, выстоявшего в огне невиданных сражений под Сталинградом и победившего самую смерть. Он будет жить вечно, как символ непревзойденной стойкости, героизма, беззаветного служения своей родине, своему народу.

Сталинград — неиссякаемый источник вдохновения советских поэтов. За время боев под Сталинградом соз-

дано немало поэтических произведений, воспевших знаменитую сталинградскую эпопею, храбрость и мужество защитников города-героя. В стихах, рожденных в тревожные дни напряженных боев у стен волжской твердыни и в торжествующие дни победы, отражены славные подвиги сталинградцев—простых и скромных людей: русского боевого солдата и моряка, старого ветерана царицынской обороны и. русской героини-женщины, мальчика и девушки—героев отечественной войны.

В сборник стихов включена только часть произведений, посвященных Сталинграду. Эти стихи в свое время были опубликованы в центральной печати, в газетах Донского и Сталинградского фронтов, в «Сталинградской правде», в армейских и дивизионных газетах. Круг их авторов самый разнообразный. В сборник вошли и стихи известных советских поэтов, и молодых поэтов-фронтовиков, и бойцов и командиров Красной Армии, принимавших непосредственное участие в боях за город. Многообразие тематики, большое количество авторов является еще одним подтверждением того, как был богат волнующими событиями Сталинград.

Художественные достоинства стихов различны. Некоторые из них поэтически недостаточно «вызрели», но нам, свидетелям и участникам героической сталинградской эпопеи, эти стихи близки и дороги как свидетельство дум и чаяний защитников родного города, поклявшихся умереть, но не сдать Сталинград врагу. И если эти стихи помогут читателю воскресить величественную эпопею Сталинграда, образы наших славных героев, их боевой дух, силу и отвагу, величие и благородство их подвигов, — составители сборника будут считать поставленную задачу выполненной.

Пусть, прочитав стихи, читатель наполнится теми же чувствами, какие волновали воинов-сталинградцев: неукротимой ненавистью к врагу, яростной жаждой мести за свою оскорбленную родину, беззаветной любовью к своему народу и великому вождю и учителю нашему товарищу Сталину.

А. ЧУЯНОВ,
бывший член Военного Совета Сталинградского и Донского фронтов.

Алексей СУРКОВ

В зное заводы, дома, вокзал.
Пыль на крутом берегу.
Сталин привел его и сказал:
— Город не сдай врагу.
Верный присяге русский солдат,
Он защищал Сталинград.

Грузно катился в кровавой мгле
Сотой атаки вал.
Злой и упрямый, по грудь в земле,
Насмерть солдат стоял.
Знал он, что нет дороги назад —
Он защищал Сталинград.

Сто пикировщиков выли над ним
В небе, как огненный змей.
Он не покинул окопа, храним
Верностью русской своей.
Меж обгорелых черных громад
Он защищал Сталинград.

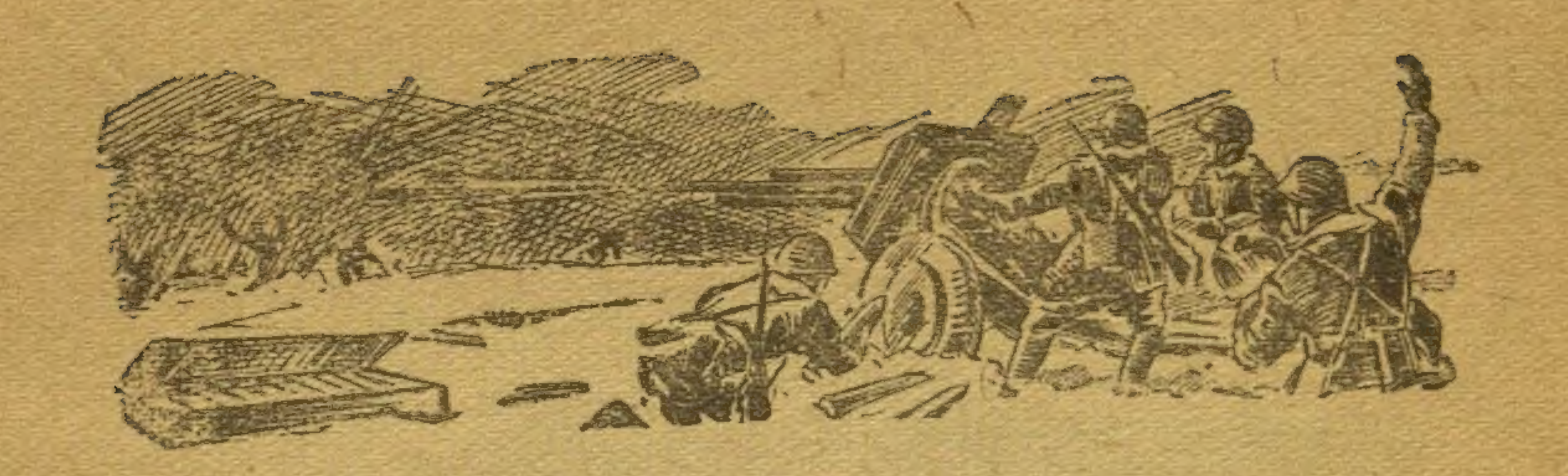
Танк на него надвигался, рыча,
Мукой и смертью грозил.
Он, затаившись в канаве, сплеча
Танки гранатой разил.
Пулю — за пулю. Снаряд — за снаряд
Он защищал Сталинград.

Смерть подступала к нему в упор.
Сталью хлестала тьма.
Артиллерист, пехотинец, сапер —
Он не сошел с ума.
Что ему пламя геенны, ад?..
Он защищал Сталинград.

Просто солдат, лейтенант, генерал,
Рос он в страде боевой.
Там, где в огне умирает металл,
Он проходил живой.
Сто изнурительных дней подряд
Он защищал Сталинград.

Время придет—рассеется дым,
Смолкнет военный гром.
Шапку снимая при встрече с ним,
Скажет народ о нем:
— Это железный русский солдат—
Он защищал Сталинград.

СТАЛИНГРАД, НАША ГОРДАЯ СЛАВА,
ВЕЛИЧАВА ОНА, ВЕЛИКА,
ЭТОЙ БИТВОЙ ПО ДОЛГУ И ПРАВУ,
НЕ ГОДА ОТКРЫВАТЬ, А ВЕКА!

Александр ПРОКОФЬЕВ

СТАЛИНГРАД

Сталинград — наша гордая слава,
Боевой наш товарищ и брат,
Поклялися родные заставы
На тебя походить, Сталинград.

На тебя походить, где долинный,
Где степной древне-русский простор,
Здесь поднялся наш эпос былинный
Выше частых лесов, выше гор.

Вот он, вечный, великий, изустный,
Над грозой распростертый в дыму,
Песней доблести воинской, русской,
Гимном мужеству твоему.

Выше частых лесов он дремучих,
Громче шага гвардейских полков,
Выше скал, поднимающих тучи,
Выше синей гряды облаков!

Этой битвой по праву и долгу
Не года открывать, а века!
Над тобою бессмертие, Волга,
Знаменитая наша река.

Рядом солнце багровой звездою
Не узнать, где восход, где закат!
Рядом бьется с поганой ордою
Молодой богатырь Сталинград!

Здесь простертые, в дыме и сини,
Разделенные грозной чертой,
Красный стяг над полками России,
Черный флаг над поганой ордой!

Сталинград, наша гордая слава,
Величава она, велика,
Этой битвой по долгу и праву,
Не года открывать, а века!

Мих. МАТУСОВСКИЙ

РАЗГОВОР В БЛИНДАЖЕ

Об этом в наших блиндажах
Герои говорят,
Что будто видели его —
В боях за Сталинград.

Дымилась мертвая земля.
Но Сталин шел по ней.
Бойцы об этом говорят,
И значит им видней...

Он шел в шинели без петлиц,
Он шел в седом дыму,
И были мысли и сердца
Обращены к нему.

В часы затишья и в часы
Тревожной темноты,
Как легендарный командир,
Он обходил посты.

Его в шинели фронтовой
Заметили вчера.
Он со стрелками говорил
И грелся у костра.

И на исходном рубеже
Беседовал с полком,
С бойцами в тесном блиндаже
Делился табаком.

Над картой города сидел
И думал день-деньской,
И шел в атаку впереди
С простертою рукой.

Не отступая ни на шаг,
Под яростным свинцом
Он наклонился, как отец
Над раненым бойцом.

Поцеловал его в глаза
И наградил Звездой,
Из светлой фляги напоил
Холодною водой.

И в час, когда промедлил взвод,
Он первый сделал шаг,
Из рук сраженного бойца
Он принял красный флаг...

Вот почему в любом огне
Сражался, как солдат,
И выстоял, и победил
Бессмертный Сталинград.

З. КАЦ,
М. ТАЛАЛАЕВСКИЙ

ЭТО КЛЯТВА ВОЖДЮ И ОТЧИЗНЕ

Сто дорог мы до Волги прошли.
Сто смертей мы в боях миновали,
Горсти нашей родимой земли
На прощанье не раз целовали.

Пыль дорог отступленья горька...
На земле, поседевшей от пепла,
Под холодным мерцаньем штыка
Наше мужество зрело и крепло.

Сталинград! По проспектам твоим
Нас ведут фронтовые дороги,
Точно крепость, одетая в дым,
Громоздятся развалин отроги.

Сталинград! Между ночью и днем
Мы давно потеряли границу:
Ночь твоя полыхает огнем,
День твой гарью и пеплом дымится.

Пусть не все мы пройдем сквозь бои,
Сквозь пылающие перекрестки...
Город-воин! Руины твои,
Даже камни не будут нам жестки!

Только б городу Сталина жить!
И не надо нам лучшего дара,
Чем немецкою кровью тушить
И обиду сердец и пожары.

Тут предел. И ни шагу назад.
Здесь — рубеж между смертью и жизнью.
Даже имя твое, Сталинград, —
Это клятва вождю и отчизне!

НЕСОКРУШИМАЯ КРЕПОСТЬ

Про дела счастливой страны
Пел я в мирные времена,
Но, друзья мои, в дни войны
Песня гнева больше нужна.
Мне покоя гнев не дает!
Ночи целые напролет
Я тревожный мысленный взгляд
Устремляю на Сталинград.
Хочет враг занять берега
Нашей славной Волги-реки,
Руки коротки у врага!
Обломаем ему клыки,
Поскользнется его нога!
Сталинград, не каждый ли дом
Повествует здесь о простом
Славном воине-смельчаке,
Что с ружьем, сжатом в руке,
Защищает волжский простор,
И свободу кавказских гор!
Ты не дрогнешь воин-смельчак!
Вспомни, в дни тягчайших невзгод,
Как когда-то русский народ
Защищал свой каждый очаг.
У могучей нашей реки
Сталин братьев твоих сплотил,
И отец, что тебя взрастил,
Всем лишениям вопреки,
Под Царицыным победил.
Твердо знает и стар и млад:
Враг наш скоро будет разбит.
Совесть мира на Сталинград,
Затаив дыханье, глядит.
Защищай же волжскую ширь,
Безупречный мой богатырь!
Высоко над краем родным
Сталин знамя борьбы вознес.
В Сталинграде пламя и дым,
Но стоит он прочней, чем утес.

Там сражается и казах
Твой сородич неустрашим,
Знаю—выстоит он в боях,
Будет Сталин доволен им.

* * *

Я не белый клок оторвал
От седой моей бороды,
Я родного сына послал,
Сталинградцы, в ваши ряды!
Провожая его в поход,
«Алгатай! — сказал я ему,
Бей, как следует, вражеский сброд,
Докажи, что ты не урод,
Что в джамбуловом вырос дому!»
Я сказал ему: «Алгатай!
Будь подобен живому письму
Мой привет бойцам, передай!»
Сталинградцы! песни мои
Алгатай мой вам пропоет,
Пусть в бурленье волжской струи
И Джамбул свой голос вольет.

Перевел *М. Тарловский*

Е. ШЕВЕЛЁВА

СТАЛИНГРАД

...И вот легли ему на плечи
Полей распятых страшный стон,
Смятение кровавой сечи,
И мертвых оскверненный сон,
И злое горе человечье,
И то, что мы зовем судьбой,
Судьбой страны, судьбой России.
И город принимает бой,
Все беды сердцем пересилив.

Сшибаются хребты громов.
Металл высверливает ямы,
Торчат развалины домов
Зубцами древних стен упрямых.
От пепла тяжкого седой,
Но так же, как и прежде молод,
Над волжскою живой водой
Стоит огнем объятый город—
В простой шинели боевой,
Как был Царицыном когда-то.
Скрывает дым пороховой
Его величие солдата,
И где бы ни был ты — навек
Останется с тобою рядом.
Как очень близкий человек.
Бессмертный образ Сталинграда.

З. КАЦ.
М. ТАЛАЛАЕВСКИЙ

ЗА ТЕБЯ, РОССИЯ!

В Сталинграде тополя сухие
Засверкали с нежным серебром.
Вспомним, хлопцы, тополя такие
Возле нашей хаты, над Днепром.

Нам, наверно, не забыть вовеки,
Как вослед нам полыхал закат,
Как за нами аисты-лелеки
Улетали с подожженных хат.

Нам порой над Волгой заснеженной
Чудится прощальный их полет.
Горе Украины полоненной
Нам тогда сильнее сердце жжет.

И тогда в бессмертном Сталинграде,
В полночи, пронизанной свинцом,

Ради жизни, Украины ради
В бой идем мы к западу лицом.

Вместе с нами пахари Полесья,
Хлопкоробы из долины Чу,
По руинам улиц и предместий
На врага идут плечом к плечу.

Тут скрестили руки на оружьи
По закону дружбы и войны
Победители полярной стужи
И памирских пастбищ чабаны.

Казаки-кубанцы и джигиты,
Казахстана славные сыны
В Сталинграде встали на защиту
Завтрашнего дня своей страны.

И в глазах у каждого сверкает
Свет родимых облаков и вод,
Цвет того единственного края,
Что навеки он своим зовет.

За тебя, Россия, в Сталинграде
Мы идем, в одну семью сплотясь,
Ради жизни и победы ради,
Ради счастья каждого из нас!

Ольга БЕРГГОЛЬЦ

СТАЛИНГРАДУ

Мы засыпали с думой о тебе,
Мы на заре включали репродуктор,
Чтобы услышать о твоей судьбе.
Тобою начиналось наше утро.

В заботах дня, десятки раз подряд,
Сжимая зубы, затаив дыханье,
Твердили мы: «Мужайся, Сталинград!»
Сквозь наше сердце шло твое страданье.

Сквозь нашу кровь струился горячо
Поток твоих немыслимых пожаров.
Нам так хотелось встать к плечу плечом
И на себя принять хоть часть ударов.

Кому понятнее, чем Ленинграду,
Свирепость штурма, бедствия осады?

...А мне все время вспоминалась ночь
В одном колхозе дальнем, небогатом,
Ночь перед первой вспашкою в тридцатом,
Второю большевистскою весной.

Степенно, важно, точно на молебен,
Готовились колхозники к утру
С мечтой о новой жизни, новом хлебе,
С глубокой верой в новый, общий труд.

Их новизна безмерная, тревожа,
Еще страшила... Но твердил народ:
— Нам Сталинградский тракторный поможет
Нам Сталинград коней своих пришлет.

Нет, не на камни зданий и заводов,
Немецкий вор, заносишь руку ты:
Ты покусился на любовь народа,
Ты замахнулся на оплот мечты!

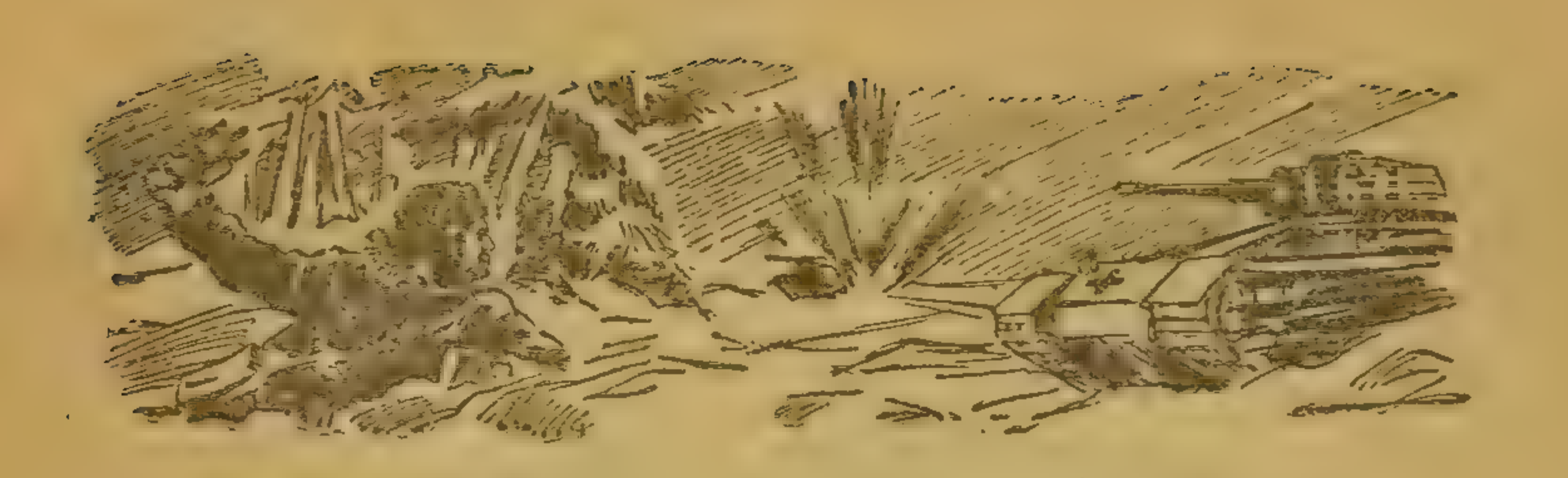
И встала, встала пахарей громада,
Со всей Руси они сюда пришли,
Чтобы с рабочим классом Сталинграда
Спасти любимца трудовой земли...

О том, что было страшным этим летом,
Еще расскажут, песня ждет певца.
У нас, в осаде, за чертой кольца
Все озарялось сталинградским светом.

Кому ж понятнее, чем Ленинграду,
Свирепость штурма, бедствия осады?

И глядя на развалины твои,
На опаленные твои предместья,
Мы забывали тяготы свои,
Мы об одном молили: мести, мести!

Прекрасна и сурова наша радость.
О, Сталинград, в час гнева твоего
Прими земной поклон от Ленинграда,
От воинства и гражданства его.

ВРЕМЯ ПРИДЕТ—РАССЕЕТСЯ ДЫМ,
СМОЛКНЕТ ВОЕННЫЙ ГРОМ.
ШАПКУ СНИМАЯ ПРИ ВСТРЕЧЕ С НИМ,
СКАЖЕТ НАРОД О НЕМ:
— ЭТО ЖЕЛЕЗНЫЙ РУССКИЙ СОЛДАТ—
ОН ЗАЩИЩАЛ СТАЛИНГРАД!

Э. КОТЛЯР

БОЙЦАМ СТАЛИНГРАДА

Когда размеренно рассказывала сводка,
Как борется в дыму кровавом Сталинград,
Внезапной горечью пересыхала глотка
И в сердце гнев и ненависть стучат!

Вас, земляки мои! Тебя, родная Волга!
Вся родина в суровый этот час
Всем напряженьем мышц,
в одном дыханьи долгом,
Одним огнем в глазах благословляет вас.

Наш Сталинград, израненный, но гордый,
Снарядные воронки ты раскрыл
Зияньем могил, к которым рвутся орды
Тупых и дрессированных горилл!

Они не ждали здесь ни Фермопил ущелья,
Ни Карфагена стен, ни мозырских болот!
Но неприступной, грозной цитаделью
Твой каждый дом простреленный встает!

Им расстрелять прямой наводкой ясли...
О, им легко, но не дано понять,
Как потерявший дочь краснооктябрьский мастер
Ползет с гранатами фашистский танк взорвать.

И если будет жив, то снова будет биться,
А коль убьют, то станут в строй рядов
Его отец, стоявший за Царицын,
И старый дед из волжских бурлаков!

Им не понять, что с каждого кургана
В пылающих пожарищем ночах
Их встретит в сабли конница Степана
С лихими пушкарями Пугача!

Что тот, кто носит имя сталинградца,
Кто строил счастье собственной рукой,
Не только за себя идет с врагом сражаться!
За дедов, за детей идет на смертный бой!

За нашей Волги розовые дали!
За тихие степные вечера!
За те цеха, чьи стены вместе клали
На нашем Тракторном, как будто бы вчера!

За старые, замшелые окопы,
Где мы шишак буденновца нашли,
Когда с тобой сажали первый тополь,
И где потом аллеи зацвели.

И где потом стальным горячим ливнем
Дотла сожжен расцветший пышно сад!
Где крошатся, как глина, вражьи бивни
О красный панцырь наших баррикад!

Стой! Здесь рубеж! Здесь будут драться камни!
Им нет пути вперед! Мы не уйдем назад!
Над шквалами огня высоко держит знамя
Негнущийся, грозовый Сталинград.

Здесь суждено в крови, в дыму сражений
Горящим факелом победы утвердить:
Что творчество сильнее разрушенья
И смерть не может жизни победить!

З. КАЦ,
М. ТАЛАЛАЕВСКИЙ

Я С ТОБОЙ, ЗАЩИТНИК СТАЛИНГРАДА

Я раскрою белый треугольник,
И прочту письмо ребятам вслух,
Пусть узнают, что там пишет школьник,
Мой далекий малолетний друг.
Эти строки каждому награда
И напутствие в жестокий бой:

— Я с тобой, защитник Сталинграда,
Я всегда с тобой!

Вместе с лаской этих детских строчек
Нам подарки издалека шлют...
Мне достался синенький платочек,
О котором в песенке поют.
Тут, пожалуй, даже слов не надо,
Все сказал подарок дорогой:

— Я с тобой, защитник Сталинграда,
Я всегда с тобой!

Мне сегодня автомат вручили,
Я взглянул на вороненый ствол,
На Урале эту сталь варили,
И с Урала я на фронт пошел.
Чудилось: сквозь грохот канонады
Откликается Урал родной:

— Я с тобой, защитник Сталинграда,
Я всегда с тобой!

И бывает, что в разгаре боя,
Третий диск сменяя набегу,
Перезвон курантов над Москвою
Слышу я на волжском берегу.
И тогда мне кажется, что рядом
Вождь встает в шинели фронтовой:

— Я с тобой, защитник Сталинграда,
Я всегда с тобой!

Микола БАЖАН

НА СТАЛИНГРАДСКОЙ ДОРОГЕ

Идут полки. Размерный лязг металла.
Прифронтовых дорог суровый лад.
Над заводями, над кустами тала
Клубятся горы дыма. Сталинград.

За дымной далью, за стенами зноя,
За переплеском мутных волжских вод
Солдатам слышен близкий голос боя,
Растущий до немыслимых высот.

Не звук, а судороги волн и суши,
Землетрясение, толчки глубин,—
Раскатистый, широкий гром «катюши»,
Глухие всхлипы толстотелых мин,

Обвалы бомб—всей пастью бездны взвыли!—
Отгул железа на десятки миль...
Идут полки. Дорога в струях пыли.
Три месяца не опадает пыль.

Идут полки. Готовятся отряды
У пристаней, в завесе дымовой,
Здесь, на святых руинах Сталинграда,
Принять великий, небывалый бой.

Да будет он благословен навечно
Их грозный марш, невидимый во мгле,
По этой вот, родной нам бесконечно,
По сталинградской выжженной земле!

Подобного никто не знал похода,
Такого подвига не мог свершить,
Как эти люди—воины народа,
С которыми нельзя не победить!

Перевел с украинского *Борис Турганов.*

НА ПЕРЕПРАВЕ

Изогнутый на горизонте дугою,
Бушует светящихся пуль огнепад.
Колышется зарево над головою,
Свирепый, клокочущий жаром снаряд,
Отмщающий, ринулся за Сталинград.

И сквозь дымовую завесу с причала
Сливаются вспышки немецких ракет.
Паром нагруженный слегка закачало.
И воин, опершийся на парапет,
Внимательно смотрит на мертвенный свет.

Молчанье. Суровый обряд переправы.
Бойцы на пароме строги и крепки.
На линию подвига, смерти и славы

Выходят готовые к бою полки.
А город сквозит за туманом реки.

На оползнях, взорванных глинистых кручах
Речных берегов багрянеет гряда.
Обрушены стены в обломках сыпучих.
Разболтанная канонадой вода
От нефти рыжа и от пепла седа.

Тяжелые, дымные волжские волны
Разводами масляных пятен блестят.
Косматые пряди пожаров безмолвны.
Окрестности призраком страшным стоят.

И—будто бы лавы подземный раскат—
Колеблются горы. Удар за ударом.
И дрожь эта передается реке,
А в тучах багряных, над грозным пожаром,
Сквозь клекот моторов, визжа вдалеке,
Разящая смерть переходит в пике.

Пылают строенья. И всюду увечья.
И смерть всюду свищет, и гибель ревет.
И только одно не сдается, живет—
Отважное сердце одно человечье
На смертную битву летит и зовет.

Сквозь бомб завыванье, сквозь ужас раската,
Немыслимый и оглушающий вой
Я слышу, как храброе сердце солдата,
Не дрогнувши, бьется в страде боевой.—
А гибель гудит над его головой.

Где небо красно и черно от пожарищ,
Где камень и сталь превратились в песок,
Там сердце твое не дрожало, товарищ.
О, родина! славный удел твой высок—
Нам сердце бойца—драгоценный залог.

Пускай о развалины тяжким прибоем
Колотятся бивни тупых канонад.
Бойцы, опаленные яростным боем,
Стоят, не отступят ни шагу назад—
За город, за славу, за наш Сталинград.

Перевел с украинского *П. Антокольский.*

НА КОМАНДНОМ ПУНКТЕ

(Из сталинградской тетради)

Между перекрытий, блиндаж завалив,
По глиняной мокрой стене катакомбы
Струей осыпаются глыбы земли,
В тиши, после грома взорвавшейся бомбы.

Но пыль отряхнувши с расцвеченных карт,
Где желтым разводьем легли суходолы,
Он взглянет и вдруг улыбнется слегка
Удачному слову иль шутке веселой.

И вновь над столом тонконогим своим
Наклонится, среброволосый и сивый,
И смотрит на карту земного массива,
Раскрытого знаком скупым перед ним.

Там желтые степи и черные зерна
Селений, и синие линии рек,
Весь будущий бой отмечает упорно
И точно на карте седой человек.

Все грозные сдвиги, и все измененья,
Приливы, отливы, удар и отпор,—
Все видит в своем напряженном прозреньe
Его утомленный и пристальный взор.

Он видит просторы равнины бескрайной,
Движенье колонн молчаливых в ночи,
И тропы, где груз свой громоздкий, потайный
Без устали тянут, искря, тягачи.

И танки, которые сталью своею
Тревожат молчанье полночных пустынь,
И вросшую в свежие комья траншеи
Пахучую и голубую полынь.

Он слышит шуршанье змеистой дороги,
И взлеты ракет средь глухой тишины,
И молнии залпов, ночные тревоги,
Спокойствие тяжкой работы войны.

Оно в эту ночь прогоняет дремоту,
Душе открывает по-новому мир.
Спокойно и тихо встает командир,
Окончив своих вычислений работу.

Метнулись связные. Гудит телефон,
И провод зудит, словно нерв воспаленный,
И серые взводы походных колонн,
Спешат занимать отведенные склоны.

И зуммер жужжит. И отрывисто так
Звучат донесенья полков и дивизий.
Желтеет фонарик. Рассеялся мрак,
И степь посветлела во мгле рдяно-сизой.

Уже из окопов пришел кашевар.
И первый снаряд прогудел спозаранку,
И стал из багрового черным пожар,
А зуммер жужжит и стрекочет в землянке.

Так яростно небо пылает в огне,
Так с полночью прожитый день перепутан,
Что он не продремлет хотя бы минуту
На бурке, разостланной на топчане.

Все ясно. С последним ударом печати
Последний связной ускоряет бег.
За стрелкой медлительной на циферблате
Следит напряженно седой человек.

Вот, дрогнувши, стрелка разделит собою
Кружок светлых цифр. И тогда настает
День новый гигантского грозного боя.
День гнева. Упорства. Движенья вперед.

Удар—и обрушился вал канонады
На склоны холмистых приволжских равнин.
На пункте командном в земле Сталинграда
Пульсирует сердце бессмертных руин.

Перевел с украинского *Мих. Зенкевич.*

З. КАЦ,
М. ТАЛАЛАЕВСКИЙ

ОТЕЦ И СЫН

(Сталинградская быль)

Нежданной побывке—и рад и не рад —
Приехал Григорий Орлов в Сталинград.

В рассветном тумане стоит Дар-Гора,
Зеленые клены шумят у двора.

Скворешник прибит на высокий шесток,
Над старым крылечком—резной петушок.

Досчатая улица пахнет сосной—
Как дорог ему этот запах родной!

Тут жизнь начиналась—чиста и светла,
Тут детство резвилось, тут юность цвела.

А в этом окошке сверкали не раз
Лукавые искорки девичьих глаз.

Но грустно на улице этой теперь.
Открыта калитка, распахнута дверь...

Не с доброю вестью пришел он к родным,
Над городом тучи, за городом—дым.

Навстречу бежит поседевшая мать,
Как больно и горько ее обнимать!

Отец на высоком пороге стоит
И скорбно и строго на сына глядит.

Он ввел его в дом, не сказав ничего,
Он трижды по-русски целует его.

Не в силах молчанье стерпеть, наконец,
Григорий тревожно промолвил: — Отец!

Не в гости, не в отпуск домой я пришел,—
Нас путь боевой к Сталинграду привел.

Тяжелые танки стоят за бугром,
Мы скоро, наверно, в атаку пойдем.

Заплакала мать и в глазах у отца
Повисла слеза тяжелее свинца.

— Добро, что проведал,—он сыну сказал.—
Пришел бы попозже—меня б не застал.

Не думай, сынок, мол, отец твой старик,
Раз дело такое—и я фронтовик!

Пора наступила тряхнуть стариной,
Царицынцы снова становятся в строй.

Сердца не ржавеют, не старится кровь,
И руки к оружию тянутся вновь.

Как мальчик глядит на героя-бойца,
Григорий смотрел на седого отца:

Рабочий картуз со звездою на нем,
Пиджак подпоясан солдатским ремнем.

Отец по-иному и ласков и строг...
— Ну что ж, посидим на дорогу, сынок.

Огромное солнце багрит горизонт,
И молча Орловы уходят на фронт.

Григорий—на юг, Дар-Горой напрямик,
К заглохшим заводам уходит старик.

И если им встретиться не суждено,
И если в сраженьи погибнуть дано,

Как в доме родном, в наши грозные дни,
В грядущих легендах сойдутся они.

ДОМ НА ПЕРЕКРЕСТКЕ

Вокруг—руины, щебня груды,
Летает пламя, вьется дым...
А этот дом, каким-то чудом,
Остался цел и невредим.

За переплетом старых рам
Темно. Осыпалась известка.
Открытый четырем ветрам
Горюет дом на перекрестке.

Война сорвала двери с петель.
И обдала огнем порог,
И дом, одетый в серый пепел,
От взрывов и ветров продрог.

Но в доме том седьмые сутки,
Забыв про отдых и про сон,
Про дым цыгарки-самокрутки,
Живет, сражаясь, гарнизон.

А в гарнизоне—пять бойцов,
Пять закадычных побратимов:
Лавренко, Дрозд и Кузнецов,
Шапиро и Абдул Касимов.

Вооружение—«Максим»,
С полдюжины гранат на брата,
Четыре полуавтомата
Да тысяч пять патронов к ним.

По коридорам запыленным,
Вдоль антресолей и веранд,
Идет начальник гарнизона
Смирнов,
По званию—сержант.

Один этаж. Над ним второй,
Сухой чердак. Крутая крыша...
— Ну, как, Абдул?
— Еще живой!
— Ну, как, Лавренко, дышим?
— Дышим!

И откликается Шапиро,
Заслышав голос командира,
И в перекличку с двух концов
Вступают Дрозд и Кузнецов.

Седьмые сутки дом в осаде,
Но жизнь не утихает в нем,—
Глазами темных окон глядя,
Как повелося в Сталинграде,
Встречает немца он огнем.

Но вот, почти касаясь крыши,
Три «Юнкерса» идут в пике.
Удар—и дым багрово-рыжий,
И тьма, и блеск на чердаке.

Взрывной волной чердак скосило,
Смирнова бросило к простенку...
— Ну, как, Абдул?—Молчит Касимов...
— Лавренко, жив? — Молчит Лавренко...

Зелено-серые мундиры
Опять поднялись за бугром.
— Ну, что ж, давай,—сказал Шапиро,
И тотчас снова ожил дом,
Огнем ударив вкривь и вкось,
Как в Сталинграде повелось.

Потом по звездам отдаленным,
По заревам, сомкнувшим круг,
Смирнов в окно увидел вдруг,
Что ночь встает над гарнизоном.

Но враг, от ярости зверея,
Нацеливает с трех сторон
Грохочущие батареи
На неприступный бастион.

Зияют в тонких стенах дыры.
Смирнов зовет своих бойцов:
— Ко мне Шапиро!
Нет Шапиро...
Молчит сраженный Кузнецов...

Зелено-серая пехота
Рванулась из-за поворота.
Но, поднявшись на полный рост,
В нее швырнул гранату Дрозд,
Потом еще пяток подряд:
— За этот дом. За Сталинград!

И в ночь, о трупы спотыкаясь,
Отхлынул враг. Огнем косым
Ему вослед, не унимаясь,
Ударил пулемет «Максим».

Когда унялся пулемет,
Смирнов позвал Дрозда, но тот,
В большой руке сжав гранату,
Над подоконником склонясь,
Застыл в движении крылатом
И, как положено солдату,
Грозил врагу и в смертный час.

Потом всю ночь снаряды громом
Рвались над темным перекрестком,
Над всем, что называлось домом,
Но стало щебнем и известкой.

А на рассвете, каски сдвинув,
Весьма довольные собой,
Беспечно автоматы вскинув,
На обгорелые руины
Фашисты двинулись гурьбой.

Чего бояться им? Вокруг
Все выжжено, черно, мертво...
Свое воронье торжество
Идут справлять враги. Но вдруг
Из щебня, из развалин снова
Ударил пулемет Смирнова...

Огнем из мрака запустенья
Врагов сметая и кроша,
Он встал над выжженным селеньем—
Родного пепла и каменьев
Неистребимая душа.

Боец, старик или подросток,
В боях за наше торжество
Припомни дом на перекрестке
И всех защитников его!

ВОИН, ПОБЕДИВШИЙ СМЕРТЬ

Младшему лейтенанту П. Яблоньке,
подбившему 8 вражеских танков

Закатной порою в приволжских степях,
Не старой каргою с косою в руках,
А в скрежете, в лязге металла,
Не в саване легком—в тяжелой броне,
Не в облачной дымке—в дыму и огне
На Яблоньку смерть наступала.

Как должно солдату, он встретил ее.
И вместе с патроном вложил он в ружье
Всю злость, накипевшую в сердце.
Не пал перед вражьими танками ниц.
Очей не сводя с их железных глазниц,
Вступил в поединок со смертью.

Не светом багряным зарделся закат—
Вокруг подожженные танки горят,—
Их сталь бронебойка пробила.
Отхлынули танки. Спустилася ночь.
Не в силах бронею бойца превозмочь.
От Яблоньки смерть отступила.

Но ранен герой и с гранатой в руке
Лежит он на залитом кровью песке,
Усталостью сонной объятый.
С гремящей машины строчит автомат,
Опять поднимается к бою солдат
И смерть отгоняет гранатой.

Теперь до своих бы добраться суметь...
Но снова на Яблоньку целится смерть:—
Навел офицер «парабеллум».
Напрасно! Свинец у виска прогремел,
И ветер бессмертья опять зашумел,
Как знамя, над воином смелым.

И если, товарищ, случится тебе
В жестоком сраженьи, в неравной борьбе
Со смертью-каргой повстречаться,
Ни силы, ни крови своей не жалей,
Как Яблонька, трижды ее сдолей,
Чтоб вновь до победы сражаться!

ТРИДЦАТЬ ТРИ

В последних числах августа 1942 года под Сталинградом произошел знаменитый бой 33 советских воинов из легендарной 62-й армии с 70 немецкими танками. Группу наших бойцов возглавляли младший лейтенант Стрелков и младший политрук Евтифеев. Три часа длилось ожесточенное сражение. Стойкось русских богатырей оказалась тверже немецкой брони. 33 воина отстояли рубеж, уничтожив 27 танков и 150 солдат и офицеров противника.

Об этих стремнинах волшебных,
О Волге—великой реке,
Рассказывал старый учебник
И карта на школьной доске.
И, словно плененные сказкой,
Прилежным движеньем руки
Водили мы длинной указкой
По синим изгибам реки.
И Волга, с притоками споря,
Впадала в далеком краю
Не только в Каспийское море,
А в жизнь—и твою, и мою.
И в снах, и в мечтаниях детства,
Ты помнишь под флагом зари,
С Чапаевым шли по соседству
И волжские богатыри.
По Волге,
широкой и длинной,
По трактам исконной земли,
Сказанием, песней, былиной
Они в нашу память вошли.
Сверкали шеломы литые...
В чешуйчатом блеске брони,
У древних истоков России,
Как стража, стояли они.
И, может, внезапно повеяв
Дыханьем седой старины,
Они и к тебе, Евтифеев,
Врывалися в детские сны.

Но ты не гадал и не ведал,
Что выйдешь на волжскую ширь,
И встанешь над полем победы,
Как русских легенд богатырь;

Что в наши сказанья и песни
С тобою войдет не спроста.
Вчера еще—воин безвестный,
А ныне—герой Калита.

А вы, Ковалев и Пуказов,
Товарищам вашим вослед,—
Героями былей и сказов,—
Войдете вы в книгу побед.

И ваши друзья боевые,
И все, кто вам духом сродни
Кто стражей у сердца России
Стоял в эти грозные дни;

Кто неодалимой преградой
Дорогу врагу преградил,
Кто стал у ворот Сталинграда,
И выстоял и победил.
Идете вы с гневным оттенком
Приволжских пожаров в глазах,
Чтоб так, как боец Матюшенко
Легендой остаться в веках.

...Вернутся с победой герои
Немецкая сгинет орда.
Товарищ, мы снова отстроим
Родные села и города.

О подвигах ваших волшебных,
О Волге—великой реке,
Поведают новый учебник
И карта на школьной доске.
И детям в те дни золотые
Расскажут о вас, тридцать три.
— Так вот они, скажут, какие,
Приволжские богатыри!

Не в шлемах, зарей опаленных,
Не в блеске чешуйчатых лат,
В простых гимнастерках зеленых.
В обувке своей запыленной
Они перед нами стоят.

И дети, наверно, указкой
На карте кружок обведут...
— Вот здесь начиналася сказка,
Легенда свершалася тут.

Демьян БЕДНЫЙ

МЕСТЬ

Легенда

С грустной матерью, ставшей недавно вдовой,
Мальчик маленький жил в Верее под Москвой.
Голубятник он ласковый был и умелый.
Как-то утром—при солнечном первом луче—
Мальчик с голубем белым на левом плече
Вдруг без крика на снег повалился, на белый,
К солнцу лик обернув помертвелый.
Вечным сном он в могиле безвременной спит.
Был он немцем убит.
Но о нем—неживом—пошли слухи живые.
Проникая к врагам через их рубежи,
В их ряды, в охранения сторожевые,
В их окопы и в их блиндажи.

* * *

По ночам, воскрешенный любовью народной,
Из могилы холодной
Русский мальчик встает
И навстречу немецкому фронту идет.
Его взгляд и презреньем сверкает и гневом,
И, все тот же — предсмертный! — храня его вид,
Белый голубь сидит
На плече его левом.
Ни травинки, ни кустика не шевеля,
Через минные мальчик проходит поля,
Чрез колюче-стальные проходит препоны,

Чрез окопы немецкие и бастионы.
— Кто идет?—ему немец кричит, часовой.
— Месть!—так мальчик ему отвечает.
— Кто идет?—его немец другой
Грозным криком встречает.
— Совесть!—мальчик ему отвечает.
— Кто идет?—третий немец вопрос задает.
— Мысль!—ответ русский мальчик дает.
Вражьи пушки стреляют в него и винтовки,
Самолеты ведут на него пикировки,
Рвутся мины, и бомбы грохочут кругом,
Но идет он спокойно пред пушечным зевом,
Белый голубь сидит на плече его левом.

Овладело безумие лютым врагом.
Страх у немцев сквозил в каждом слове и взгляд
Била самых отпетых разбойников дрожь.
— С белым голубем мальчика видели...
— Ложь!
— Нет, не ложь: его видели в третьей бригаде.
— Вздор, от'явленный вздор!
Нет, не вздор.
Мальчик...
— Вздор! Уходите вы к шуту!
— Вот он сам!—
Мальчик с голубем в ту же минуту
Возникал, где о нем заходил разговор.
С взором грозным и полным немого укора
Шел он медленным шагом, скрестив на груди
Свои детские руки.
— Уйди же! Уйди! —
Выла воем звериным фашистская свора.—
— Ты не мною убит! Я тебя не встречал!
— И не мной!—выли немцы, упав на колени.
— И не мною!—Но мальчик молчал.

И тогда, убоявшись своих преступлений
И возмездья за них, немцы все—кто куда,
Чтоб спастися от кары, бежать от суда,—
И ревели в предчувствии близкого краха,
Как на бойне быки, помертвевши от страха.

Страх охватывал тыл, проникал в города,
Нарастая быстрее повальной заразы.
По немецким войскам полетели приказы
С черепными значками, в тройном сургуче:
«Ходит слух—и ему не дается отпору,—
Что тревожит наш фронт в полуночную пору
Мальчик с голубем белым на левом плече.
Запрещается верить подобному вздору,
Говорить, даже думать о нем!»
Но о мальчике русском все ширилась повесть,
В него веры не выжечь каленым огнем,
Потому—это месть,
это мысль,
это совесть!
И о нем говорят всюду ночью и днем.
Говорят, его видели под Сталинградом:
По полям, где судилось немецким отрядам
Лечь костьми на холодной, на снежной парче,
Русский мальчик прошел с торжествующим взглядом,
Мальчик с голубем белым на левом плече!

РУССКАЯ ЖЕНЩИНА

В «двенадцатом году»—кавалерист-девица
И в «Крымскую войну»—отважная сестрица,
Она в дни Октября в «семнадцатом году»
Шла в Красной Гвардии в передовом ряду.

Да, русской женщине недаром мир дивится!
И не читали ль мы о немцах в эти дни,
Как напоролися они
На героиню-сталинградку:

Она, взамен того, чтоб указать пути
Врагам, как дом—для них опасный—обойти,
Их вывела на тесную площадку
Под самый наш огонь и крикнула бойцам:

-- Стреляйте, милые, по этим подлецам!—
Пусть стала жертвою она немецкой мести
Она пред миром всем раскрыла, как велик

Дух русской женщины, и как прекрасен лик,
Суровый лик ее, готовый каждый миг
На подвиг доблести и чести!

Александр ЯШИН

ДОЧЬ СТАЛИНГРАДА

(Отрывок из поэмы о Сталинграде „Город гнева")

Еще чадил разбитый город
Багровым пологом накрыт,
А люди средь гранитных плит,
Среди деревьев и заборов
Уже устраивали быт.
Из щелей выползали дети,
В садах белели тут и там
Пелёнки мокрые, как сети,
Раскинутые по кустам.
На табуретке у калитки
Осиротевший старичек
Свои немудрые пожитки
В железный прятал сундучок.
Спеша закончить до бомбежки,
Вся до бровей в муке, бела
У обгоревшего ствола
Месила женщина лепешки
И тут же на костре пекла.
На выбитом из бочки днище
Кипел семейный самовар,
В трубу с родного пепелища
Щипцами подносили жар.

А той порой, грозя расплатой
Пришельцам из чужой земли,
Вооружаясь, чем могли,
Мужчины шли в военкоматы,
В партийные райкомы шли.

Утром двадцать четвертого,
Вечером,
И в середине дня
В центре города полумертвого,

В вихрях зелени и огня,
Борясь с тоской и обидой,
Впадая порой в забытье,
В отчаянной коловерти
Я видел само бессмертье:
Я русскую девушку видел.
Я не забуду ее.

В руках чемодан маленький,
В ремнях одеяло и валенки.
Не в меру тепло одета,
Чтобы побольше взять:
Платьев на ней штук пять
И шуба поверх жакета.

Она пробиралась на Волгу,
Чтоб перейти реку,
В щелях лежала подолгу,
Ползла, волоча кошолку
С продуктами,—по песку.

Но вышла на берег
и вздрогнула,
Глянула из-под руки,
С ужасом лоб потрогала:
Не было реки.

Стоном строку эту выстони.
Страшен девичий взгляд:
Раненые на пристани,
А пристани горят.

Дерево располыхалось,
Нефть по воде плыла,
Даже вода, казалось,
Вся в огне была.

Волны огонь качали—
Катеру не подойти.
Раненые кричали,
Но как их теперь спасти?

Девушка смотрит с ужасом:
Вот она—война!

Вынести хватит ли мужества?
Но выпрямилась она

И бросилась к одному
В черном низком дыму,
Вытащила из пламени,
Лицо отерла ему.

Бросилась к другому,
Перенесла его к дому,
Чтобы жара не палила—
Пальто своим накрыла.
Не помнила, как раздала
Все, что с собой взяла.

Но стали снаряды рваться
В вагонах на пути.
Куда ей теперь податься?
Решила отойти.

Нет, не за Волгу,—в город.
В город,
Назад,
В дым,
Надвое мир расколот,
Где надо быть молодым?

Им надо быть на войне,
В схватке,
В дыму,
В огне!

Девушка с чемоданом
Вышла на бугорок.
Было уже не рано.
Сумрак на Волгу лег.

Если б кто пролил слезы—
Сама бы она уняла.
Просто, легко,
Без позы
Выпрямилась,
Пошла.

Только строга была,
Да чуть бледна была,
Да выше, чем обычно
Голову несла.

Да, раз шагнув вперед,
Уже не глядела назад.
Резко очерченный рот.
Иссиня-черный взгляд.

Нигде,
Никогда
Не забыть.
Даже у гибели на краю,
Как девушка эта шла,
Как вскинула,
Подняла
Голову свою—
Нет, никогда не забыть.

Так люди идут, победить
Иль умереть в бою.

И если немцы меня возьмут
Раненым на краю села
И на расстрел меня поведут—
Я вспомню, как она шла.

По твердости, по повадке,
По смелости в бою,
По выправке в строю
Я в ней увидал ленинградку,
Сестру родную мою.

Некуда немцу податься,
От мести враг не уйдет,
Коль в нашем военном братстве
Везде живут ленинградцы,
Везде живут сталинградцы —
Железный верный народ.

Ночь. Не видать ни зги.
Сходит двенадцатый танк с конвейера.
Где-то близко, близко враги,

Кинет «Катюша» огненным веером
Смерть через фронт,
И опять ни зги.

Утром,
едва занялся рассвет,
С Волги орудия заговорили.
Маршем по улицам,
В клубах пыли,
К фронту, на вспышки немецких ракет
Части рабочие проходили.

Падают бомбы со всех сторон —
Не замедляет шаг батальон.
Взрыв листовое железо рвет,
Камни летят—
Батальон идет.

Рухнуло здание с ревом гулким —
Он пробирается переулком.
И отдается в сердце врага
Грохот рабочего сапога.

Кепки снимают бойцы батальона
У обгоревшего милого дома.

— Чей батальон?
— Заводского района.
— Кто ведет?
— Секретарь райкома.

Девушка с пристани подошла
К секретарю райкома:
— Здешняя я.
У вокзала жила.
В городе все мне знакомо.
Аней зовут...
— Ну, что ж, становись,—
Первой сестрою будешь.

Так начинают военную жизнь
Наши
русские
люди.

Курсант военного училища Н. ШТИЛЕРМАН

ПЕСНЬ О ДЕВУШКЕ ИЗ СТАЛИНГРАДА

Ты ночами синими
Часто снилась мне,—
Девушка без имени
На лихом коне.
Над шляхами битыми
Тучи мчались прочь.
Быстрый конь копытами
Сыпал искры в ночь.
Степи даль раздольную
Заслонило мглой.
Саблю—будто молнию—
Подняла рукой.
Я тебя воспел, любя,
Ясную, как день,
Встретить я хотел тебя
И искал везде.
...В грохоте и пламени
Закипает бой.
Впереди со знаменем
Мчит передовой.
А навстречу огненный
Минометный шквал.
Вдруг шеренги вздрогнули—
Знаменосец пал.
...Прилегли, пригнулися
(Льет свинцовый дождь),
Сталинградской улицей
Как теперь пройдешь?
— Эх, пробиться б!
— Где уж там,
Под огнем таким!
И, внезапно, девушка
Выросла над ним.
Подойдя, склонилася,
Достает бинты...
Это ты мне снилася,
Знаю—это ты!

...В грохоте и пламени
Не стихает бой,
Ты встаешь—и знамени
Птица над тобой.
Ты бежишь и ринулись
В бой за взводом взвод,—
Немцев опрокинули—
И вперед, вперед!
Буду я, чудесную,
Вспоминать тебя,
Твою славу песнею
Вызвеню, любя.
Пусть не знаю имени—
Будет в песне лад:
Край наш героинями—
Славен и богат.
С крыльями орлиными—
Сколько есть таких!
С именем—без имени—
Песнь моя о них..

Вл. ЧАЙКА

ПАРЕНЬ ИДЕТ МОЛОДОЙ...

Комсомольцам-защитникам Сталинграда

Отблеском дальней легенды
Сумрачный зал осветив,
Звонко слетал с киноленты
Красногвардейский мотив.

Мы его дружно певали
Тихой вечерней порой:
...Тучи над городом встали,
В воздухе пахнет грозой...

Песне и юности рады —
Шли мы веселой гурьбой.
Часто казалось нам: рядом
Парень идет молодой.

Все, о чем пели-гадали,
Всё совершилося вдруг.
Тучи над городом встали,
Рокот орудий вокруг.

Бьет в барабаны тревога,
Тонет в дыму горизонт.
Пыльной военной дорогой
Юность уходит на фронт.

И повзрослевший немножко,
Но не сраженный бедой,
Песню ведя под гармошку,
Парень идет молодой.

Трудная жизнь фронтовая,—
Зарева в небе стоят...
Кто ты—тебя я не знаю—
Юный, безвестный солдат.

Как ты стоял неуклонно,
Сталин узнает в Москве.
Юность склоняет знамена
К русой твоей голове.

А недопетую песню
Звонко подхватит другой...
В бой, под огнем перекрестным
Парень идет молодой.

На рубежах Сталинграда,
Как долг и как сердце велит,
Несокрушимой преградой
Юное племя стоит.

Юность идет без оглядки
И не отступит назад
Ни перед огненной схваткой,
Ни перед горем утрат.

Кто это, встав над поляной,
Первым бросается в бой?
Это к победе желанной
Парень идет молодой!

Евг. ДОЛМАТОВСКИЙ

СТИХИ О СТАЛИНГРАДЕ

БАРРИКАДА

Прощай, моя радость,
И плакать не надо,
На улице рядом
Нас ждет баррикада.
Впиваются пули
В угрюмый булыжник,
В комоды и стулья
Из домиков ближних.
Не знают покоя
Сегодня мушкеты,
Колючей щекою
Приклады согреты.
На улице этой,
Я помню жила ты,
И ветры рассвета
Здесь были крылаты.
Здесь в классы играла,
И бегала в школу,
И звезды считала
С мальчишкой веселым.
И снова тревога,
Сраженье... Однако,
Не мало, не много—
Шестая атака!
Атаку отбили
За светлые дали.
За дом, где любили,
Смеялись, страдали.
Мальчишка, с которым
Ты звезды считала,
С тускнеющим взором
Ложится устало.
Сестра наклонилась—
Завяжет, поможет.
Иль это приснилось,
Что так вы похожи?

И память в дыму,
И расколота каска,
И больше ему не нужна перевязка.
А вдруг подрастала.
В другой стороне ты,
Не эти кварталы
Тобою согреты?
Быть может, не знаю,
И помнить не надо.
Ведь я защищаю
Твою баррикаду.
Дома за спиною
Дымят, догорая,
Ты здесь, ты со мною,
Моя дорогая.

БОРЬБА ЗА КОМНАТУ

У нас с тобою, правда, не квартира —
Студенческая комната была.
Стоял диван, висела карта мира,
В углу в коляске девочка спала.
Мы говорили: скоро переедем
На новые просторные места,
А эту площадь отдадим соседям —
Смешная довоенная мечта.
...Вокруг углы ощерились, как волки,
И обвалилась лестница в огне.
Фарфоровые слоники на полке
Остались на единственной стене.
Но комната—она цела покуда.
Стальными балками завален вход,
Немецкий автоматчик бьет оттуда:
Стрельнет, затихнет и опять стрельнет.
Он воду пьет из Галинькиной кружки
И, разорвавши карту на куски,
Себе под локти положил подушки,
Где сохранился след твоей щеки.
Напротив есть оконце слуховое,
Его еще не тронула беда.

Не замечая грохота и воя,
По рваным крышам я ползу туда.
Ужасный час наш поединок длится,
А немец все сидит в моем дому.
Не день, быть может—год придется биться,
Но комнаты я не отдам ему.

Ал. РОХОВИЧ

УЛИЦА

Дымные тучи над Волгой ползут.
Пламя пожара бесчинствует тут.
Красное зарево, черная гарь.
Грохот—и голос:—Правее ударь!
Где это? За угол быстро свернем:
— Вот эта улица, вот этот дом!

Старая песенка, милый мотив...
Ухнуло, грохнуло, вздыбился взрыв.
Ветер рванул — не поднимешь лица.
Скрылись за домом четыре бойца.
Передохнув, осмотрелись кругом:
— Вот эта улица, вот этот дом!

Восемь площадок, шестнадцать квартир.
— Я здесь бывал,—прошептал командир.
Помню, стояла она у окна,
Издали мне улыбнулась она.
С нею мы часто певали вдвоем:
— Вот эта улица, вот этот дом!

— Домик — что надо, — ответил боец, —
Печи здесь клал самолично отец.
Не было в мире печей горячей —
Жарче июльских палящих лучей!
Мимо нарочно ходил он потом:
— Вот эта улица, вот этот дом!

Третий промолвил:—По прошлой весне
Улицу эту я знаю вполне.
Суток пятнадцать я здесь прогостил,
Улицу вместе с бригадой мостил.

Камни подравнивал сам молотком.
— Вот эта улица, вот этот дом!

— Раньше я здесь никогда не бывал,
Я из Сибири,—четвертый сказал.—
Воздух здесь, что ли знакомый такой
Будто попал я в свой город родной!
Тихо сказали они вчетвером:
— Вот эта улица, вот этот дом!

Дымные тучи над Волгой ползут.
Четверо смелых на подвиг идут...
Бейтесь же, бейтесь, друзья, как они!
Мы отвоюем счастливые дни,
Мимо пройдем мы и гордо споем:
— Вот эта улица, вот этот дом!

Бор. ПАЛИЙЧУК

БАЯН

Стушуют, может быть, года
Тревоги и заботы...
Но не забыть мне никогда
Баян четвертой роты.

В землянке щами отдает,
И куревом, и дымом...
А он поет, а он поет
Ладами молодыми.

Да как поет, да как берет,—
Теплом на сердце дышит.
Лежит и слушает народ,
Дыханье затаивши.

Лежат ребята, чуть дыша,
И сердцу петь охота.
И понял я, что он душа
Парней вот этой роты.

Падет ли на сердце туман,
Блеснет ли радость рядом—
На все откликнется баян
Хорошим, чистым ладом.

На все он сердцу даст ответ
С понятливым участьем.
И грусть—так грусть,
И свет—так свет,
А счастье—значит счастье...

Однажды был убит в бою
Разведчик черноглазый.
И к нам, в солдатскую семью,
Явилось горе сразу.

Тогда один проговорил,
Молчать не в силах боле:
— Сыграй-ка ту, что он любил,
Про волюшку и поле...

Я вряд ли расскажу, друзья,
Я передам едва ли—
Как тихо пели голоса
И как басы рыдали.

Я помню первый снегопад.
Ребята возле Дона
Четыре месяца подряд
Держали оборону.

Промеж собой ворчал народ
В землянках то и дело:
— Когда же, чорт возьми, — вперед?
Отсидка надоела!

И пел баян тоской повит
Не ведая покоя,—
«Реве та стогне», «Заповит»
И многое такое.

Он пел про наш далекий дом,
Где многое осталось...
Он пел, друзья, о всем, о том,
Что нам тогда мечталось.

Когда ж в полки пришел приказ
Военного Совета,

И рота мигом собралась,
Обута и одета.

И взгляд — взволнован и лучист,
И, вроде, шире плечи,—
А ну-ка, дай-ка, баянист—
Такую, что покрепче!

И как пошел он, как пошел
Задористый, певучий...
И так запел он хорошо,
Что невозможно лучше.

И сердце рвалось в жаркий бой
И приливала сила,—
Что с корнем вырвать дуб любой
Нам плевым делом было,

Что мы б рванулись хоть куда
Для боевой работы!
Нет, не забыть мне никогда
Баян четвертой роты.

Лейтенант Евг. ОСИПОВ

НАШ ПУТЬ ОДИН—ВПЕРЕД!

Воинам Кавказского фронта

Сквозь шум сражений, дождь свинцовый,
Сквозь гневный грохот канонад,
Призыв ваш в этот день суровый
Услышал гордый Сталинград.

Под неприступными стенами
Сказал боец друзьям своим:
«Весь Юг, Кавказ, ребята, с нами.
Врагам мы город не сдадим!»

И не сдадут. Ведь здесь навеки
Спаялись в дружбе, как один,
Грузины, русские, узбеки,
Таджик, казах и армянин.

Мы здесь, в степи, вы там—в предгорьях,
Сражаемся за право жить
И, в сердце ненависть утроя,
Клянемся только победить.

Друзья и братья! Голос мести
Нас к новым подвигам зовет
Во имя доблести и чести
Наш путь один: всегда вперед!

Марк ФРАДКИН

ПЕСНЬ О СТАЛИНГРАДЕ

Стоит среди бурь исполин величавый,
И пламя пылает в могучей груди,
Восходит над ним богатырская слава,
И русские земли лежат впереди.

Его осеняет на битву с врагами
Великая правда священной войны,
Творенья людей, превращенные в камень,
Руины у волжской высокой волны.

Нет силы такой, чтоб того исполина
Повергнула б ниц, повернула б назад
И будут веками слагаться былины
Про светлое имя его: Сталинград!

Шагай же на битву за родину смело,
Великий, бессмертный советский народ.
За наше святое и правое дело,
За солнце, которое с песней встает.

Окончатся дни испытаний суровых,
Над Волгой, великою русской рекой,
На гордых руинах поднимется снова,
Но трижды прекрасней, город-герой.

Стоит среди бурь Сталинград величавый,
Немеркнущий светоч народных идей,
Как символ величья советской державы,
Как гордая слава советских людей.

ПЕСНЯ БОЙЦОВ 62 АРМИИ

I.

На приволжскую твердыню
Налетало воронье.
Мы хранили, как святыню,
Славу гордую ее.
Позади, полна тревоги,
Затуманилась река:
Дальше не было дороги,
Хоть Россия велика.

Припев:
Смерть презирая,
На врага—вперед
Шестьдесят вторая
Армия идет.

II.

Нас отчизна проводила
На бессмертные дела.
Несгибаемая сила
Волей Сталина жила.
Там, где раньше воевали
Наши братья и отцы,
Никогда не унывали
Сталинградские бойцы.

Припев:
Смерть презирая,
На врага—вперед
Шестьдесят вторая
Армия идет.

III.

Не забудут поколенья,
Как стояли до конца
Непокорные каменья,
Непреклонные сердца.

Как течет волной сверкая,
Волги вечная вода.
Наша слава боевая
Не погаснет никогда.

Припев:
Смерть презирая,
На врага—вперед
Шестьдесят вторая
Армия идет.

Политрук Ю. ЧЕПУРИН

ПЕСНЯ СТОЙКИХ

Мы славою наши знамена покроем,
Сражаясь у волжских крутых берегов.
Клянемся мы жизнью своею и кровью—
Не быть Сталинграду в плену у врагов!

К оружью, товарищ! Стеной баррикад
И грудью своей защитим Сталинград!
Стоять, не сгибаясь, как сталь, как гранит.
Так сердце России,
Так Сталин велит!

Есть, братцы, терпенью и мукам границы!
И русских ли пулей немецкой пугать?
В гражданскую бил чужестранцев Царицын,
Он станет для немцев могилой опять!

К оружью, товарищ! Стеной баррикад
И грудью своей защитим Сталинград!
Стоять, не сгибаясь, как сталь, как гранит,
Так сердце России,
Так Сталин велит!

У каждого дома, за выступом каждым
Пускай поднимается грозный редут!
Солдаты! Смерть в гости приходит не дважды,
Так смело в атаку,—враги не пройдут!

К оружью, товарищ! Стеной баррикад
И грудью своей защитим Сталинград.
Стоять, не сгибаясь, как сталь, как гранит,
Так сердце России,
Так Сталин велит!

З. КАЦ,
М. ТАЛАЛАЕВСКИЙ

ВСЕ МЫ ТЕПЕРЬ СТАЛИНГРАДЦЫ

Песня

Кто ты—с Днепра или Дона,
Где твоя родина, брат?
Под боевые знамена
Всех нас собрал Сталинград.

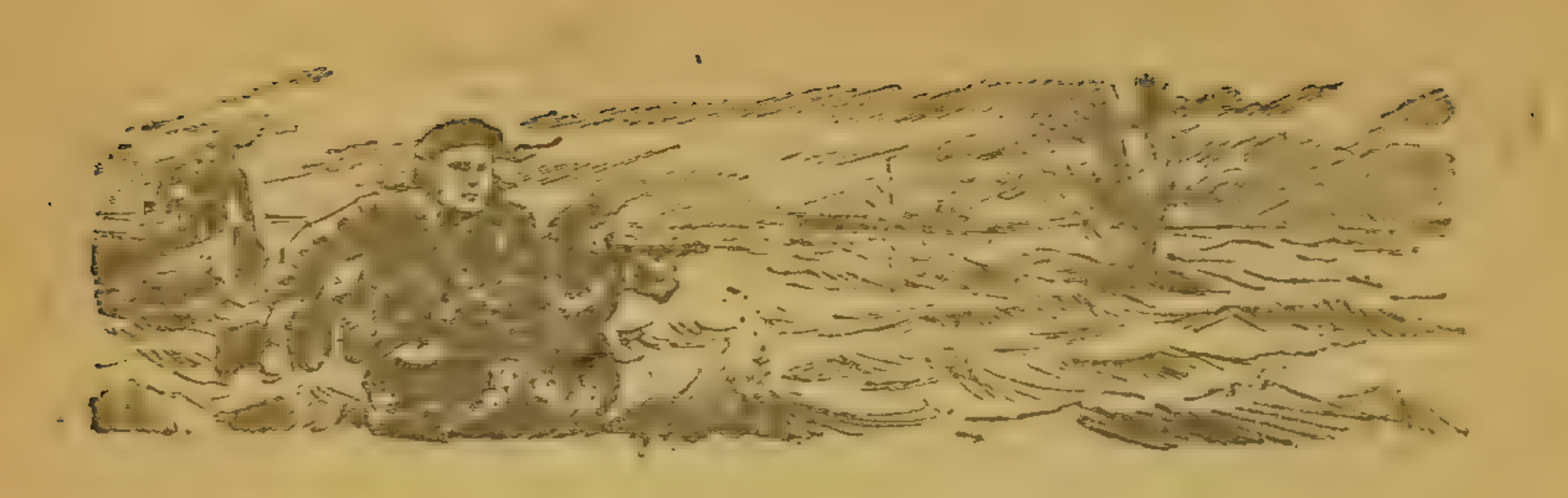
Тучи над Волгой клубятся,
Бой—от зари до зари...
Все мы теперь сталинградцы,
Все мы теперь волгари!

Вспомним, как в бой за Царицын
Шел за отрядом отряд,
Подвиг отцов повторится
В битве за наш Сталинград.

Время с врагом расквитаться,
Ненависть в сердце—гори!
Все мы теперь сталинградцы,
Все мы теперь волгари!

С нами отчизна и Сталин.
Мы не отступим назад,
Чтобы из дымных развалин
Встал наш родной Сталинград.

Будет опять озаряться
Волга сияньем зари...
Все мы теперь сталинградцы,
Все мы теперь волгари!

СЛОВУ НЕПОДВЛАСТНЫЕ УСИЛИЯ,
СИЛА, ПРЕЗИРАЮЩАЯ СМЕРТЬ,—
ВОЛЖСКАЯ ВОЕННАЯ ФЛОТИЛИЯ,
КАК ТЕБЯ ПРОСЛАВИТЬ И ВОСПЕТЬ!

Ник. АСЕЕВ

ВОЛЖСКАЯ ВОЕННАЯ ФЛОТИЛИЯ

Слову неподвластные усилия,
сила, презирающая смерть,—
Волжская военная флотилия,
как тебя прославить и воспеть!

Ты, переносящая лишения
тысячных налетов и преград,
твердое принявшая решение
отстоять любимый Сталинград;

круглыми дымящимися сутками
грозных несмыкающая глаз,—
между огневыми промежутками,
может быть, услышишь мой рассказ.

Натиски свирепые и дерзкие
на родные наши берега
отбивают лодки канонерские,
поражая лютого врага.

Мужества сурового образчики
каждодневно, нынче, как вчера,
заново показывают тральщики,
повторяют бронекатера!

Долго длится грозное сражение,
но не рвется связь могучих жил:
пополняется вооружение
и живой запас горячих сил.

Точно—с левой стороны на правую,
так же в сотый, как и в первый раз,
подается нашей переправою
продовольствие, боезапас.

И опять дорогою обратною,
кровную поддерживая связь, —
смелостью, словами неоплатную,
ранами почетными дымясь.

Голова от гордости закружится—
стоит лишь задуматься о нем,
кованом, литом, великом мужестве,
что не взять ни страхом, ни огнем.

Волжская военная флотилия,
славу, проложившая в века—
слову неподвластные усилия
только ты смогла поднять, река.

Только ты, река, своими волнами,
наложивши вечности печать,
надо всех времен прошедших войнами
эту славу сможешь рассказать!

Александр ЯШИН

РУССКИЙ МОРЯК

Вглядитесь в военного моряка:
Стоит на ветру, подтянутый, статный,
Высокий, отмеченный силою ратной,
Еще на повязке его рука
И на щеке от ожогов пятна.

А взгляд устремлен на Запад, туда,
Где люди и земли наши навеки,
Где наши сожженные города
И оскверненные немцами реки.

И дальше взгляд его устремлен—
За горы, за долы, во вражьи берлоги,
Куда в окруженьи красных знамен
И с моря и с суши пробьется он,
Пробьется—на Запад ведут все дороги.

Ему от народа поклон земной,
Страна уважает широкие плечи,
Стоит Ленинград за его спиной,
Теперь Сталинграду он сын родной, —
Победами путь моряка отмечен.

Что в мире дороже России ему—
Лесов ее древних, тропиночек узких.
И в битвах его не сломить никому:
По крови, по ясным глазам, по уму,
По духу, по воинской хватке он—русский

На Запад—пути кораблям и штыкам,
Навстречу с родными.
Так будем сражаться,
Чтоб стали и после по морякам
Все самые смелые люди равняться!

ФЛАГ

Шел бронекатер под огнем
К высотам Сталинграда.
Был перебит флагшток на нем
Осколками снаряда.

И, развернувшись над рекой,
Над бурным поворотом,
Упал в пучину флаг морской,—
Так падает, взмахнув рукой,
Боец под пулеметом.

Мелькнула в пене на волне
Полоска голубая,
Мелькнула звездочка над ней
И смеркла, уплывая.

Но снова вспенилась волна:
Бушлат на рубку кинув,
С кормы метнулся старшина
За флагом вслед,
в пучину.

Он плыл, скрываясь с головой,
То волны разбивая...
Свистели пули вкруг него,
Его не задевая.

С огнем и бурною водой
Он бился зло и долго,
И вновь поднялся флаг морской
Над катером,
над Волгой.

Как тот, что реет над Кремлем,
Над всей моей страною,
Мы с этим флагом в бой идем,
Под ним живем,
Под ним умрем,
Под ним стоим стеною.

Флаг трепетал дымком повит.
Он звал: назад ни шагу!
Он не запятнан,
Он пробит,—
Тем больше чести флагу.

КОНТР-АДМИРАЛ

Памяти контр-адмирала Хорошхина,
погибшего в сражении под Сталинградом.

Он был на катере, когда
Над плесом вспыхнула ракета.
Кругом не Волга—море льда,
И катер от облавы света
Не мог укрыться никуда.

Он был на катере, когда
Сналету мина борт пробила
И кто-то вымолвил: беда!
Через пробоины забила
В отсеки жирная вода.

Не раз бывавшие в беде,
Матросы с бранью, кулаками
Зажали все пути воде:
На Волге, под Москвой—везде
Они держались моряками.

Седой, в очках контр-адмирал,
Плечами рубку распирая,
У щели смотровой стоял.
Когда рвалась броня стальная,
Он сам хватался за штурвал.

А если надвигался лед
Сплошною серою громадой—
Он говорил одно:
— Вперед!
Нас ждут причалы Сталинграда.—
И катер находил проход.

Уже вблизи прибрежных гор
Контр-адмиралу доложили,
Что снова немцы борт пробили,
Из строя вывели мотор—
Осколки муфту развалили;

Что в днище два фонтана бьет,
Вода по пояс будет вскоре,
Что катер замедляет ход...
Контр-адмирал сказал:
— Вперед!
К рассвету фронт снарядов ждет,
Пробьемся на одном моторе.

Всему на свете вопреки,
Сквозь лед, свинец и гром орудий
Шел катер,
Шел в изгиб реки.
Держались твердо моряки.
Но моряки ведь тоже люди.

От пуль не скрыться никуда—
Стучали в борт, как дождь по крыше,
Лишь рубка—крепость.

Лишь туда
Не проникала смерть.
Тогда
Контр-адмирал из рубки вышел.

И вот на срезе—на краю
Его увидели—большого,
Давно знакомого, родного,
Все подтянулись, как в строю,
Хоть он не вымолвил ни слова.

Кто на ходу ни кинет взгляд—
Всем кажется:
Опять чернеют
На нем, как много лет назад,
И бескозырка, и бушлат,
И за плечами ленты реют.

БРОНЕКАТЕРА

Вся земля стоит на трех китах—
Так считали в древности глубокой:
Страны жаркие—на лбах широких,
Ледяные—где-то на хвостах.

Не киты, а бронекатера
До поры, покуда льды не стали,
В стылые свистящие ветра
Волжский город на себе держали.

Все—от пушек до газет в те дни,
От гранат и мин до шоколада
Доставляли по ночам они
Воинам былинным Сталинграда.

Днем причалят к яру—не видать
Ветви дуба и ветлы на башнях,
Но блеснет вечерняя звезда—
И бугрится за кормой вода,
Как земля на черноземных пашнях.

От ракет скрываясь, от луны
И чутьем нащупывая мели,
Словно тени, с левой стороны
К полыхавшей линии войны
Катера груженые летели.

Если с горок огрызался враг,
Сталь трассирующая визжала,—
Катера не опускали флаг,
Катера отстреливались так,
Что земля гудела и дрожала.

И с крутого яра поутру
Пехотинцы, их в листве заметив,
Удивлялись:
— Неужели эти
Так стегали нынче немчуру?!

Как байдарки легкие узки,
Не видать ни башен, ни орудий...
— Но в отсеках узких—моряки,
У орудий этих—моряки
В бескозырках
Золотые люди.

СНАЙПЕР

Защитнику Сталинграда,
снайперу-моряку,
Герою Советского Союза
Василию Зайцеву

Четвертый день в окопе лежу,
За вражьим в лесу рубежом слежу,
От ветра дрожу,
От злости дрожу,
Но в немца все-таки пулю всажу.

Четвертый день стреляют по мне.
Я день и ночь в кольцевом огне,
И ярость в груди закипает вдвойне—
Все, как полагается на войне.

Четвертый день мне обеда нет,
Видать, потеряли друзья мой след,
В глазах замирает порою свет,
Но будь он неладен, этот обед.

И жизнь не в жизнь, если враг живет,
Поля наши топчет,
Пшеницу жрет,
Бесчестит род мой,
Неволит народ,
А я отступлю—и меня убьет.

Нет, дешево жизни не уступлю,
Все горе, все муки перетерплю,
Я буду жить,
Я немца свалю—
Свинцом не достану—штыком заколю.
Ни пяди земли не отдам ему.

О малом нас просят:
Пусть каждый боец
Убьет хоть по немцу, по одному,
И мир наступит в нашем дому.
По одному—и войне конец.

Старшина 1-й статьи В. МОНАХОВ

ЗА НАШУ РОДИМУЮ ВОЛГУ!

Стоим у тяжелых орудий,
Суровы во мгле корабли.
Мы грудью, сыновнею грудью,
Прикрыть нашу Волгу пришли.

Отвага, упорство, дерзанье...
Они по плечу моряку.
Мы помним: Великий Волжанин
На этом рожден берегу.

И Ленина образ священный
Горит в краснофлотских глазах,
И огненным гневом и мщеньем
Приволжские дышат леса.

Целуем приволжскую землю...
Идет за отрядом отряд.
И нашему голосу внемля,
Родимые воды шумят.

Морские лихие гвардейцы...
Не сломит нас бремя невзгод:
Великое русское сердце
Великий Волжанин ведет.

Район Сталинграда.

Евг. ДОЛМАТОВСКИЙ

РАЗГОВОР ВОЛГИ С ДОНОМ

Слышал я под небом раскаленным—
Через сотню верст, издалека,
Разговаривала с синим Доном
Волга—мать-река.

«Здравствуй, Дон, товарищ мой старинный.
Знаю, тяжело тебе, родной.
Берег твой измаялся кручиной,
Коршун над волной.

Только я скажу тебе, товарищ,
И твоим зеленым берегам:
Никогда, сколь помню, не сдавались
Реки русские врагам».

Дон вдали сверкнул клинком казачьим,
Отвечает Волге: «Труден час...
Горько мне теперь, но я не плачу,
Слышу твой наказ.

Волны, что бегут по мне, кровавы,
Грохот пушек мой разбил покой.
Понастроил немец переправы,
К Волге тянется рукой.

Русских рек великих не ославим,
В бой отправим сыновей своих,
С двух сторон врагов проклятых сдавим
И раздавим их».

Волга Дону громко отвечала:
«Не уйдет противник из кольца.
Будет здесь положено начало
Вражьего конца».

Темным гневом набухают реки,
О которых у народа есть
Столько гордых песен, что во-веки
Их не перечесть.

Реки говорят по-человечьи,
Люди, словно волны, в бой идут.
Немцы на широком междуречьи
Смерть свою найдут.

Бой кипит под небом раскаленным,
Ни минуты передышки нет.
Волга разговаривает с Доном
Дон гремит в ответ.

СВОРЫ ВРАГА СЖИМАЯ ТИСКАМИ,
У СТАЛИНГРАДСКИХ ГРОЗНЫХ ВОРОТ—
СОЛНЦЕМ ПОБЕДЫ ВЗОШЛО НАД ПОЛКАМИ
ОГНЕННОКРАСНОЕ СЛОВО—„ВПЕРЕД!“

Демьян БЕДНЫЙ

ПРЕД МИРОМ ЗАСВЕРКАЛ...

Рычат и щерятся, и пятятся враги
Пред мощным натиском с востока.
Им ясно слышатся железные шаги
Их настигающего рока.

Преступнейший маньяк сулил им навсегда
Отдать наш край родной и нашу жизнь в награду.
С какою лютостью разбойная орда
Рвалася к Волге, к Сталинграду!

Фашистских выродков, вошедших в буйный раж,
Зверей, охваченных грабительским угаром,
Манил слепивший их мираж—
Решить борьбу одним ударом.

Но волжский богатырь, как грозная скала,
Стоял, громя врагов, кромсая их тела,
Круша их технику, выматывая силу.
Здесь вражья наглость обрела
Свою позорную могилу!

Нет, не на вражьей стороне
Возникли образцы для новых поколений:
В народом кованной броне
Пред миром засверкал—в боях, в громах, в огне—
Наш стратегический победоносный Гений!

Враг отбивается, встать силясь на дыбы.
Но Сталинград уже предрек исход борьбы,
Событий мировых став вехою рубежной.
Фашистам не спастись от ждущей их судьбы,
Заслуженной и неизбежной!

НАРОДНОЕ МУЖЕСТВО

Мир не видал таких осад,
Какой был осажден могучий Сталинград.

Уж полчищ вражеских несчетные бойницы
Приблизились почти до волжских берегов,
Но город-богатырь, разгладив рукавицы,
Обрушил свой кулак на головы врагов,
И вот у вражьих тел, застывших средь снегов,
Замерзшие глаза расклевывают птицы!

Не так ли русскому Илье-богатырю,
Чьей доблести пример нам особливо дорог,
— Я белу грудь твою вспорю!—
В тягчайший час борьбы грозился лютый ворог?

Но богатырская рука была туга:
Илья ударом в грудь дух вышиб из врага.
И, мстя нахвальщику, исполнен гневной страсти,
Труп разметал его на части!

Как много говорит народный этот сказ!
В нем есть пророчество, в былинном сказе этом:
Да, нашей Родине пришлось врагов не раз
Подобным потчевать ответом!

Не раз вторгались к нам враги со всех сторон,
Но, отражая их вторженье,
Мы не склоняли, нет, простреленных знамен
И, как завет былых времен,
Всю мощь собрав, несли врагу—уничтоженье!

Так, силясь обратить в пустырь
Цветущий Сталинград, злой враг удары множил.
Но мести час приспел, и волжский богатырь
Всю вражью нечисть уничтожил!

Победу, равную какой не видел свет,
Встречает наш народ восторженным приветом:
Среди блистательных побед
Она отмечена своим, особым светом:

В ней—прошлого итог и образец—векам,
В ней—нашей доблести высокой утвержденье,
В ней—гробовой удар по вражеским полкам,
В ней—плана вражьего крушенье.

Непобедима та страна, борьбу ведя
Под солнцем славы незаходным,
Где гениальный план вождя
Пронизан мужеством народным!

Евг. ДОЛМАТОВСКИЙ

РАЗГРОМ

Мы предлагали сдаться им,
Мы обещали им пощаду,
В ответ клубился черный дым,
Летели пули и снаряды.

Всю ночь кричали рупора,
Но им призыва было мало.
А утром грянуло «ура»,
И наша «Катя» заиграла.

Мы выбили врагов из нор,
Погнали их атакой грозной.
Пошел смертельный разговор—
Теперь просить пощады поздно!

Все поле в трупах. Ровный гул
Летящих на штурмовку ИЛ'ов.
Заклятые враги бегут,
И каждый шаг их—шаг в могилу.

Лед покрывает их лицо,
Их больше не спасут траншеи,
И сталинградское кольцо
Сжимается у них на шее.

Германия запомнит дрожь
Донской раскатистой метели.
Мы истребим врагов. Ну, что ж,
Они ведь сдаться не хотели.

ЗА СВЯТУЮ РОДИНУ—ВПЕРЕД!

Эта весть, которую узнала
Нынче вся советская страна,
В свисте вьюги, в грохоте металла
Нами на штыках принесена.
Мы горды, что это—наше дело,
Гордость к новым подвигам зовет.
Так вперед, без промедленья, смело,
За святую Родину—вперед!
Эта битва—лишь начало вьюги:
С севера удар наносим мы,
Нам навстречу движутся на юге
Братья через степи и холмы.
Лишь вперед!—
наш лозунг непреклонный,
Отобьем у коршуна крыло,
Чтобы между Волгою и Доном
Наше солнце красное взошло.
Каждая минута наступленья
Приближает яростный разгром.
Забирайте немцев в окруженье,
С думою о городе родном,
Бейте их с рассвета до рассвета,
Чтобы фрицы корчились в кругу.
Все страданья нынешнего лета
Отольем сторицею врагу!
Знали горе мы, узнаем радость—
Наше счастье видим мы сквозь дым:
Немцев перебьем под Сталинградом,
Город из тисков освободим.
Много сделали, но больше можем—
Вся земля от нас победы ждет.
Окружим врага и уничтожим.
За святую Родину—вперед!

В. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ

РАЗГРОМ

Вся Родина взволнована и рада,—
В Москве, на фронте, в селах и в цехах.
Победа под стенами Сталинграда
У каждого сегодня на устах.

И от Кавказа до Владивостока,
От Балтики до северных морей
Народ исполнен гордости высокой
За доблестных своих богатырей.

Он славит полководцев и героев,
Спешит достойным почести воздать
И повторяет имя дорогое
Того, кто научил нас побеждать.

И надо всей измученной вселенной
Благая весть летит, как вешний гром:
— Невиданный в истории военной
Блистательный, классический разгром!

Да, бой такой едва ли снился дедам!
Но нам успех не кружит головы.
— Вперед! Вперед, к решительным победам!—
Зовет нас голос матери-Москвы.

— Вперед! Вперед, сметая все преграды!
Пусть вдохновит вас сталинский приказ,
Пусть озарит вас солнце Сталинграда
И слава Родины пусть увенчает вас!

Борис ПАЛИЙЧУК

СТАЛИНГРАД

Героям Сталинграда посвящаю

Ты помнишь эту ночь, когда пожар пылал,
И небо высилось чудовищно багрово.
И жар пахнул в лицо, и рядом друг упал,
И рвался детский плач из дымного покрова.

Ложился взрыв на взрыв и падал дом на дом
С протяжным, каменным, нечеловечьим стоном.
Казалось, камень умирал с трудом,
Ложась на площадь телом многотонным.

И не был слышен самолетов ход...
И вдруг—сирена—хрипло, долго-долго.
Мы знали: это тонет пароход,
По горло труб уходит в волны Волги.

Ты помнишь клятву, этот час святой,
Там, в блиндажах, в глухом степном овраге,
Когда отчизна нам сказала: Стой!
До смерти стой, назад—ни шагу.

А враг плотней сжимал свое кольцо,
Крестом чернел, висел над Сталинградом.
И прямо нам в небритое лицо
Глядела смерть горячим, долгим взглядом.

Ты помнишь, как дрались твои друзья
В жару июля с пересохшей глоткой,
Как дым бомбежек разъедал глаза
Как вытирали пот и кровь пилоткой.

Ты помнишь, как сдружились мы в боях,
Из Волги воду с черной нефтью пили,
И как тошнило в темных погребах
От пороха, от крови и от пыли.

И как дрались, громя врага в упор,
Всю жизнь вложивши в силу боевую,
За каждый дом, за каждый коридор,
За комнату, за лестницу любую.

А наступленья помнишь грозный час,
Когда пришла нам с севера подмога?
Нам жали руки, обнимали нас,
И вот она—победная дорога.

Какую силу этот час принес!
Не зимний ветер—трубы протрубили!
И не стеснялись мы солдатских слез—
У нас в боях глаза сухими были.

Умри, орда, пришедшая сюда,
Умри у ног суровой нашей силы.
Скелеты зданий требуют суда
И кличут к мести братские могилы.

Все то, что выстрадано—кличет в бой,
Что пережито—кличет к лютой мести.
Великий город, город наш родной,
Мы праздновать победу будем вместе.

Здесь мы в бою видали смерть не раз,
Здесь нас друг с другом битвы подружили,
Здесь поседели многие из нас,
И многие здесь головы сложили.

Еще в грядущем—битва не одна.
А там: победа—лучшая награда.
Но здесь была отчизна спасена,
Вот здесь, на черных глыбах Сталинграда.

Он сохранится в памяти времен,
Как солнце вечный, непокорный годам,
Он, как святыня будет сохранен
В пример вождям, героям и народам.

ПОБЕДА

Еще стволы орудий горячи,
Еще от дыма в горле горьковато,
На пунктах первой помощи врачи
Еще не сняли белые халаты,
Еще минеры бродят здесь и там,
Еще ведут колонны пленных фрицев,
Еще за беглым немцем по пятам
Пошли бойцы и — фрицу не укрыться.
Но от снегов до синей вышины,
Где солнце зимним блеском рассверкалось,
Повсюду власть великой тишины.
Мы от нее уже отвыкли малость.
В землянках теплых бреется народ,
И повара зовут бойцов к обеду.
И в блиндаже гармоника поет.
Победа! Да, товарищи, — победа!

Она добыта в деле боевом,
Где смерть брела, свинец ложился густо.
Она добыта кровью и трудом,
И нашим русским воинским искусством.
Она за все вознаградила нас,
(И есть ли в мире высшая награда!),
За все, за все, за самый трудный час, —
Тот грозный час в подвалах Сталинграда,
За то, что мерзли на снегу в мороз,
За дорогие свежие могилы,
За горечь тех мужских, суровых слез,
За все победа нас вознаградила.
Нам ветер песню радости поет,
Нам ярче солнце светит в снежном море,
Сегодня счастлив будет даже тот,
В чьем сердце много, очень много горя.
Сегодня сердце радостью кипит,
Сегодня славит родина героя.
И Полководец нас благодарит,
Своих суровых тружеников боя.
Когда и где, в истории какой,
Каких народов и какой державы
Гремел такой кровопролитный бой
И кончен был такой победной славой?
Такого в мире не было вовек!
Такое—смог в морозы и метели,
Боец- солдат—советский человек,
В простой, прожженной у костров, шинели,
Такое — смог советский генерал,
В бою расчетлив, дерзок и кристаллен,
Которому дорогу указал,
Которому войска доверил — Сталин.
Поздравим же друг друга и пожмем
Друг другу руки, мытые снегами,
Гляди, как там, над снежным рубежом,
Парит в бою прославленное знамя!..
Так скажем, братья, родине святой,
Отчизне скажем целым фронтом сразу:
— Мы победили! Шли нас снова в бой.
К победе новой, к славе боевой —
Мы ждем приказа!

ПЕСНЯ О СТАЛИНГРАДЕ

Из фильма „Сталинград"

Ой ты, Волга, родимая Волга,
Кто не любит твоих берегов?
Ты, как море, полна,
Широка и сильна
И грозна ты для наших врагов!

Над великою русской рекою
Неприступный стоит часовой:
Это город - солдат,
Это город - герой,
Это наш Сталинград боевой.

Держит город ключи золотые
От заветных путей и дорог,
И в решительный час
Воевал он не раз
И врага не пускал на порог.

Рвались к Волге немецкие орды,
Край родной был пожаром об'ят,
И у волжских дверей,
Отбивая зверей,
Грозно встал богатырь - Сталинград.

От рожденья земля не видала
Ни осады, ни битвы такой,
Содрогалась земля,
И краснели поля,
Все пылало над Волгой - рекой.

День за днем сталинградцы сражались
В небывалом кровавом бою,
В эти грозные дни
Отстояли они
И отчизну и Волгу свою.

И, собрав богатырские силы,
Порасправивши грудь во всю ширь,
Всех несметных врагов
У родных берегов
Разгромил Сталинград - богатырь.

Слава городу дважды - герою
Слава матери всех русских рек,
Слава всем храбрецам —
Сталинградским бойцам,
Слава Сталину, слава вовек!

Никита ДОНЦОВ

СЛАВА

Дорогой товарищ,
Ты просил меня
Написать про славу
Боевого дня.
Что тебе ответить,
Я не знаю, право,
В битве сталинградской —
Каждый день—со славой.
Эта слава с нами
В августе сражалась,
Вместе с наступающими
В СТЗ врывалась,
С нами шла на приступы,
Побеждала смерть
Наша слава русская.
Ей еще греметь.

С. КИРСАНОВ

МАРШ НАСТУПЛЕНИЯ

Мечутся немцы
от ямы к яме,
пятятся немцы
из щели в щель.
Красноармеец!
Вперед
с боями!
Наша победа —
близкая цель!

Пересекай
  дороги отката,
немцу не дай
  подняться опять!
Каждая роща,
  каждая хата,
каждое поле —
  зовет:
    — Наступать!
В бой
  за правду
    и право,
в немца —
  удар штыка!
Красной Армии
  слава,
слава бойцам
  на века!
Красную Армию
  пестовал Ленин,
Сталин
  в сраженьях
    ее воспитал.
И закалилось
  в огне наступлений
сердце бойца,
  как разящий металл.
Лед Волочаевки,
  топи Сиваша,
подвиг Чапаева,
  Щорса дела!..
Четверть столетия
  армия наша
всякую нечисть
  оружьем гнала.
С немцем —
  одна расправа!
В грудь —
  железо штыка!

Красной Армии
  слава,
слава бойцам
  на века!
Дымом пожаров,
  скрежетом стали
злобно вломились
  грабители в дом.
Мы отходили,
  мы отступали,
но, отходя,
  говорили:
    — Придем.
Все отольется
  гадине черной!
Вынесем приговор
  банде громил!
Немцев
  молола Одесса,
  как жернов,
и Севастополь,
  как молот,
    дробил.
Родине всей —
  застава —
    ярость
    большевика!
Красной Армии
  слава,
слава бойцам
  на века!
Насмерть стояли
  русские люди,
вытерпев
  тысячи тысяч атак.
Прямо смотрели
  в жерла орудий,
Сами с гранатой
  бросались под танк.
Родина с нами,
  Волга за нами!

Неодолим
  боевой Сталинград!
Сталина имя
  и красное знамя!
Штык на врага,
  и ни шагу назад!

Бурю
  борьбы кровавой
    помнит
    Волга-река!
Красной Армии
  слава,
слава бойцам
  на века.
Своры врага
  сжимая тисками
у сталинградских
  грозных ворот —
солнцем победы
  взошло над полками
огненнокрасное
  слово
    «Вперед!»
Над оккупантами
  ворон прокаркал.
Серым мундирам —
  стыть на снегу!
И прошагали
  бойцы через Харьков,
пересекая
дорогу врагу.

Дальше,
  стальная лава!
Немцу
  намнем бока!
Красной Армии
  слава,
слава бойцам
  на века.

Будет убийца
  настигнут и заперт!
Ложь и увертки
  врага не спасут.
Дальше на Запад!
  Дальше на Запад,
красноармейский
  карающий суд!
С родины смоем
  серые пятна
мертвоголовых
  дивизий и рот!
Пушки на Запад!
  Смерть оккупантам!
К солнцу победы!
  Только вперед!
С немцем
  одна расправа:
в грудь —
  железо штыка!
Красной Армии
  слава,
слава бойцам
  на века.

Ст. ОЛЕЙНИК

НАД ВОЛГОЙ РЕКОЮ...

Над Волгой-рекою
Есть город-утес,
Сто дней не видавший покою,
Он в огненном ливне
Бушующих гроз
Стоит—великан—над рекою.
Сто дней над ним грохот,
И небо горит...
Но нет, он железного сплава!
Живет, побеждает,
И мир говорит:
— Века озарит его слава!

Ни ярость врага,
Ни огонь канонад
Сломить не смогли его твердость.
Над Волгой - рекою
Стоит Сталинград,
Стоит всенародная гордость.
Ему посвятил
Свои силы народ.
В борьбе его наша отрада.
Спроси у любого,
Зачем он живет,—
Ответит он:
— Для Сталинграда!
Спроси у того,
Кто за мать-Белорусь
Мстит пулей, ударом приклада,—
Он скажет: — Живу
И над Волгой борюсь
За край мой, за честь Сталинграда.
Спроси у того,
По ком плачут сыны
В избе у днепровского сада.
Он скажет: — За долю
Родной стороны
Дерусь у ворот Сталинграда.
Урал. У мартена
Встает сталевар:
— Скажу я, товарищи, вкратце:
Умножим работой
По немцам удар,
Отныне и мы — сталинградцы!
В лесах Украины,
Громя тишину,
Взрывается танков армада.
Ведут партизаны
Ночную войну
За Волгу, за жизнь Сталинграда.
Вы слышите, шахты
И села вдали:
Все силы — к единому ряду!
Прямые дороги

Родимой земли
Сегодня ведут к Сталинграду.
Там русские воины
Встали горой
К расплате, к победному бою,
Там город —
Исполненный гневом герой—
Взмахнул богатырской рукою!
Вперед наша поступь,
Вперед и вперед!
Падет черной силы преграда...
Над матушкой - Волгой
Навеки встает
Победа борца-Сталинграда!

Красноармеец Ал. БУЛАВКИН

ЗАЩИТНИКУ СТАЛИНГРАДА

Ты вспомни, товарищ мой лучший,
Те дни боевые, когда
Ползла на нас черною тучей
Немецких фашистов орда.

Броня от напора сгибалась,
Чернел небосклон голубой,
Не выдержав, сталь рассыпалась,
А мы устояли с тобой.

Казалось нам: с огненным взором,
С подъятой могучей рукой
Был с нами великий Суворов,
И Невский, и Дмитрий Донской.

Над городом гул канонады —
Дал Сталин приказ нам: — Вперед!
И снова над всем Сталинградом
Свободное утро встает.

Дорогой недавних пожарищ
На Запад пойдем мы с тобой...
Так в бой же скорее, товарищ,
В последний решительный бой!

Сержант Ю. БЕЛЯТ

БОЕВОМУ ДРУГУ

(новогоднее)

Мы посидим в землянке у огня,
Пока сигнал к атаке нам не подан,
Дневной запас пайковго вина
Поднимем мы и скажем: «С Новым годом!»
И вдруг возникнет в памяти твоей
Красивый праздник. в шумном хороводе
Огни веселья, радости, друзей
Неугомонных, добрых по природе.
Вот кто-то первый поднимает тост
За Новый год, за счастье жизни.
Как хорошо во весь подняться рост
Среди друзей и на своей отчизне!
Но убивать, сметая все огнем,
Враги пришли на землю наших дедов,
В твой мир, в твой отчий дом,
К любимой девушке, товарищу, соседу.
Безжалостно мы будем мстить врагу.
Сигнал атаки—это час расплаты,
За все, в чем перед нами он в долгу,
За нашу боль, за скорбь утраты,
За наше счастье, втоптанное в кровь,
За детские святые колыбели,
Запятнанные кровью, за любовь,
Распятую на девичьей постели.
В ночи бессмертен мстящий Сталинград
По зову Сталина идут на штурм отряды...
Узнает враг, как наши люди мстят—
Сурово, насмерть, без пощады.

Евг. ДОЛМАТОВСКИЙ

НЕПРОШЕННЫЙ ГОСТЬ

Лучшее, что в городе есть
Ему обещали дать.
Что не успеешь на месте съесть,
Можешь домой послать.

Найдешь молоко—твое молоко,
Найдешь плоды—забирай.
...А город лежал над великой рекой,
Отражаясь из края в край.
Был в сером мундире заморский гость,
В руках—автомат стальной.
Город снился ему, как собаке кость,
И рот исходил слюной.
Чистая девушка в городе есть.
Ату! Захвати ее!
Тебе ее достанется честь,
Жене отошлешь белье.
А в городе нашем каждый порог
В грядущее звал и вел
И был посажен каждый цветок
Детьми из стеклянных школ.
Поэтому в городе голубом
Каждый камень стрелял,
Штыком ощетинился каждый дом,
Снарядом—каждый квартал.
...В степи за Тракторным есть бугор—
Желтый осенний вид.
С жизнью закончив нечестный спор,
Гость там ничком лежит.
Ветры осенние, в даль пыля
Грязью набили рот.
Гостеприимна эта земля—
В гости навек берет.

Александр ЯШИН

ПЛЕННЫЕ

Снарядами изрытою тропою
По улицам,
едва блеснул рассвет,
Они идут оборванной толпою,—
Ни у кого к ним сострадания нет.

На лица их, багровые от крови,
Показывают детям:
Немцы—вот!

На целом свете казни нет суровей,
Чем ненависть в глазах детей-сирот.

Пугливо озираясь, словно воры,
Они идут.
Нет, их теперь ведут.
Как им хотелось видеть этот город.
Вошли. Глядят.
И в страхе смерти ждут.

Дома, разрушенные их руками,
Грозят упасть, закрыть для них проход.
Они сторонятся,
Но каждый камень
Подошвы ног им леденит и жжет.

Боец-моряк шагает с ними рядом.
— Проклятые! Уже нельзя их бить.
Щади их сон,
Не трогай их прикладом,
Они в плену и, значит, будут жить.

Их мало сжечь.
Но свят закон солдата:
Давай им хлеба, рыбы и воды.

Моряк отводит дуло автомата,
Чтоб,—не дай бог,—не натворить беды.

А. ЖАРОВ

ДОРОГА НА ЗАПАД

Пехотинец морской
Воевал под Москвой
Вместе с храброй
Армейской дружиною.
От столицы моряк
Чужеземных вояк
Гнал на запад
Дорогою длинною.

Скоро Волга-река
Позвала моряка
На подмогу, как гостя желанного.

Он по Волге ходил,
Канонерку водил,
Бил по-флотски
Врага окаянного.

Моряку был приказ:
Выходить в грозный час
На прибрежную полосу узкую,—
От немецких солдат
Отстоять Сталинград,
С ним—всю землю
Великую русскую.

Пехотинец морской
Как тогда под Москвой,
Дрался с недругом подлым отчаянно.
В Сталинграде о нем
Вспомнит праздничным днем
Возрожденная к жизни окраина.
Скажут братья-друзья:
Тут есть доля твоя,
Что метнулась на запад неметчина...
И ответит моряк:
Та дорога в боях
Под Москвой и на Волге намечена.

Алексей СУРКОВ

В ДОБРЫЙ ЧАС

Опять, как в ноябре былом,
Бушует шквал свинца.
И вести добрые теплом
Наполнили сердца.
    Непобедимо тверд опять
    Красноармейский шаг.
    Плотина прорвана, и вспять
    Бежит на запад враг.
От залпов задрожали вновь
Донские берега.
Струится вражеская кровь
На первые снега.

Меж звонких льдин кипит вода
На бой, на ратный труд
Станицы, села, города
Сынов своих зовут.
Руины выжженных жилищ,
Простор, одетый в чад,
Пустыни черных пепелищ
О мщении кричат:
За слезы жен и матерей,
За страшный, горький год
Гони и тысячью смертей
Карай немецкий сброд.
Чтоб в погребальном звоне льдин
Их смертный ветер смел,
Чтоб все легли, чтоб ни один
От кары не ушел,
Пусть крепнет орудийный гул,
Пусть бьет в упор снаряд,
Пусть сгинет тот, кто посягнул
На гордый Сталинград.
Отвагой воинов для нас
К победе путь открыт.
— Вперед, герои! В добрый час!—
Им Сталин говорит.

ПЕСНЯ ГВАРДЕЙСКОЙ ПЕХОТЫ

Победно гремит канонада
И звонкая песня свинца
От славных твердынь Сталинграда
До снежного плеса Донца.
Метели в степи закипают.
Снега на пути глубоки.
И ночью и днем наступают
Гвардейские наши полки.
И крепнет от боя до боя
Гвардейская наша семья
На запад.
На запад, герои.
Вперед, боевые друзья.

В порывах январской метели
Мы путь пробиваем штыком.
И Сталин в походной шинели
Идет перед нашим полком.
Он в битву, по берегу Дона,
Идет с пехотинцами в ряд.
Гвардейские наши знамена
Огнем его славы горят.
И крепнет от боя до боя
Гвардейская наша семья.
На запад.
На запад, герои.
Вперед, боевые друзья.

Мы платим за слезы и горе,
Врагу отрезаем пути.
Кровавой разбойничьей своре
От наших штыков не уйти.
По свежему вражьему следу
Выходят в атаку стрелки.
В огне добывают победу
Гвардейские наши полки.
И крепнет от боя до боя
Гвардейская наша семья.
На запад.
На запад, герои.
Вперед, боевые друзья.

Виталий ПЕТЛЬОВАННЫЙ

СЛОВО О СТАЛИНГРАДСКОМ ПОЛКУ

Это было в те дни..
Громыхало уже недалеко.
В берег била волна,
и упрямо катилася прочь.
Я запомнил навек
твое горькое слово-упрека,
Сталинградский рыбак,
в августовскую грозную ночь.
По колено в воде,
ты собрал свои старые сети,

и предстал предо мною,
как родины совесть—велик.
— Разве силушки нет,
чтоб, как в пору былых лихолетий,
нашу Русь отстоять,
умерев за нее, победить?
Ты слезу вытирал,
а она появлялася снова,
не хотел уходить
от кормилицы, Волги-реки...
Если б знал ты, старик,
что по мудрому Сталина слову,
опаленные зноем,
уже выходили полки,
Что великое дело
свершится у Волги и Дона,
и устанет метель
вражьи трупы в степи заметать,
что советских полков
засиявшие славой знамена
Украина моя
скоро выйдет с победой встречать!
Встала силушка та,
о которой мечтал ты над Волгой,
непреклонна, как Русь,
как добытая слава в борьбе.

И о ней мое слово,
по кровному воина долгу,
Сталинградский рыбак,
я теперь обращаю к тебе.

I

Командир сказал:—Ребята,
нам сюда повестка!
Ни воды вокруг, ни хаты,
и ни перелеска.
— Немь отсюда недалечко,
потянулась к Волге.
Да замкнулося колечко,
гостевать недолго!

Коль встречаться фрицы будут,
бритые до блеска,
отправляй их в рай покуда,
им туда повестка!—
Так Юрков шутил, рукою
пот с лица стирая.
Прилетела мина с воем,
а за ней—другая.
Залегли... покрыла лица
им земля и сажа.
Ничего. Пускай. Землица
не чужая, наша!

Что-то ночька затаила,
за холодной мглою—
или ворогу могила,
или нам с тобою?!
Поползли дорогой длинной
два бойца в разведку.
Дышат плесенью полынной,
гарью боя едкой.
Но не то бойцов тревожит,—
речь чужую слышно.
Верно, немцы ночью тоже
на разведку вышли.
Первый немец стал, похоже
он бойцов приметил.
— Друг Чугуй, как мало пожил
я на белом свете.
Знать недаром нынче снились
смерти тощей руки.—
А Чугуй ему:—Василий,
умереть не штука.
Раз душа затосковала
по родимой хате,
автомат бери, немало
счастья в автомате.—
И—прилег к земле, щекою
автомат учуял,
и хлестнул врага струею
автомат Чугуя.

Кто-то взвыл, вабился кто-то
о сырую землю.
А Чугуй промолвил:—то-то!
Это я приемлю.
Слева ваше, справа наше
не зевай, Василий,
так когда-то рожь с папашей
мы вдвоем косили!—
Фонари вверху повисли,
осветили поле.
Немцы в злобе землю грызли:
Русских только двое.
Поползли, рыча как звери:
— Русс, сдавайся живо!
— Что ж, гранате, Вася, верю:
уж не раз служила.—
Он приподнялся, как надо
размахнулся с шуткой:
— Эх, лети, моя граната,
выручай, малютка!
И гремит за вспышкой вспышка.
— Дай еще. А ну-ка!
...А без боя тут, братишка,
умереть не штука.

II

Доложил Юрков майору,
что готова рота,
но, хотя светает скоро,
нет разведки что-то.
Что у немцев перепалка
завязалась ночью.
Чугуя Михайла жалко...
— Он погиб?
— Не точно...
Встал майор, обнял Юркова:
— Ну, пора, казаче.
Вашей роте нынче снова
трудная задача.

Видел в поле танков груды—
сожжены, подбиты.
Немцы в них и нам отсюда,
в город путь закрытый.—
...И сказал Юрков в землянке,
средь бойцов, сурово:
— Или станут наши танки,
или нет Юркова...

— Эй, приляг! Чужая воет.
— Да, денек веселый.
Впереди, видать поселок?
— За высоткой—город!
— Глянь, снаряды бьют по доту,
значит, гадам крышка.
Сразу вижу, по полету—
бьет Очаков Мишка.
— Землячок поди?—Понятно!
— Что ж другой не может?
— Пусть другой, оно приятно,
если точно ложит.
Поползли вперед...
Над степью
грянул залп орудий.
Пронеслось «Ура» по цепи,
и—рванулись люди.
Бродит, смерть, кого-то ищет.
Стонет кто-то рядом:
— Напиши семье, дружище,
пал под Сталинградом.
И прошла, над ним знамена
преклонив, пехота.
Не дождутся где-то дома
воина с похода.
Будет мать ходить в тревоге,
будет сниться милой
В чистом поле при дороге
братская могила.

Ты, дорога фронтовая,
Кровью залитая...

Кто бывал в бою горячем
на переднем крае,
тот не станет, не заплачет
если умирают.
Поговорку вспомни деда:
Что плоха беседа,
если чарка недопита,
песня недопета.
С полдороги для солдата
нет домой возврата.
И Юрков взглянул на лица,
черные от дыма.
Смерти смелый не боится,
смерть шагает мимо.
У Юркова кровь стекает,
стынет на мундире.
И не рота наступает
рядом с командиром,
два десятка, тех, что пулю
сто раз обманули.
Два десятка их, отважных,
стоит сотни каждый!
И бойцы, огнем прижаты
лезут, полны гнева.
Вдруг замолкли автоматы
у траншеи слева.
Неужель стихает сеча,
иль враги схитрили!
Сам Чугуй встает навстречу.
и встает Василий.
— Разобрались очень кстати,
наши на подходе,
значит бей, чтобы не встать им,
этим... немцам вроде!
Рядом шли, еще дружнее,
двадцать два в атаке,
Над траншеей, по траншее
вырвались на танки.
Взвилась радугой горячей
в синеву ракета:

Брешь пробита—это значит,
наши танки—это!
И пошла вперед пехота
лавою единой.
— За Россию!—Крикнул кто-то—
И за Украину!
За детей, и за пожары,
За родные хаты—
Кары немцам! Кары! Кары!
Кары им проклятым.

III

Под тулуп мороз скребется.
Не простая ночька...
Заходи погреться, хлопцы,
свежим кипяточком.
Котелок кипит, начищен,
это ведь неспроста—
сам майор у нас, дружище,
тут частенько гостем.
— Письмецо пришло! Кому же?
— Василю, другому...
— Где он, в нашей роте служит?
— Где... в земле. Не дома.
— Эх, орлов таких не сыщешь...
— А сейчас похуже?
— Не о том я.
Вьюга свищет,
степь о людях тужит.
Доживу вот до победы,
где-то ждет сыночек.
Возвращусь домой. Приеду
и такой вот ночью,
чтоб и ветер бился люто
и метель гуляла—
расскажу сынку откуда
рота наступала.
Как по осени шагали,
все от грязи серы,
как в бою друзей теряли,
не теряя веры,

что должно быть все иначе,
кровь недаром льется.
Что в крови своей собачьей
немец захлестнется.
Станет тихо так в квартире,
крепко слушать будут.
Об отце—о командире
нашем не забуду.
Пошутить любил, бывало,
шутки, прибаутки.
С ним бойцы не тосковали
ни одной минутки.
... Помолчали, покурили.
— Путь была сурова.
А еще у нас любили
взводного Серова.
Десять танков немец двинет,
не простая штука.
А Серов в уме прикинет
ляжет, скажет:—Ну-ка!
Да, как ахнет бронебойкой,
так и нет фашиста.
В день один не стало тройки,
так работал чисто.—
...Стынет чай. Холодновато.
Где-то мина воет.
И течет рассказ солдата.
перед новым боем.

IV

Вынь, боец, платочек синий,
как волна на Волге.
Вспомни, ждут семья, Россия,
ждут с победой долго.
В этой буре, громе боя
боли чьи излиты?
А давно ли мы с тобою
глохли от обиды!
Вспомни—пылью даль одета,
по степной дороге
мать идет, за нею дети
малые, в тревоге.

Где их дом? Лишь пепел кружит
над угрюмым садом.
У двора, в кровавой луже,
дед убит снарядом.
Вспомни—огненные косы
косят наше поле,
ветер к небу дым уносит —
весть о горькой доле.
Пепел нив! Он лег навеки
в сердце человека.
Если вызрело проклятье,
меч из ножен вынут,
пусть враги сполна заплатят,
пусть навеки сгинут!

То не вихрем—ураганом
лес крушит, ломает,
не поток весною рано
корни вырывает,
то в февральской мгле морозной,
на кровавом поле,
разгулялся мститель грозный,
витязь русской воли.

Воют немцы, меж собою
ночь на саван делят...

Полк идет наш. Полковое
знамя ветер стелет.
Пушкари, черны от дыма,
за пехотой следом,
мимо трупов, смерти мимо
полк идет с рассветом.
Дышат пушки в небо жаром:
На картечь злодея!
Сто дорог прошли недаром
крови не жалея.
И горит в глазах суровых
радость у солдата:
Сталинград, ты наш по крови,
за тебя расплата!

У разбитого забора
чья-то тень мелькнула.
Вышла девочка, к майору
руки протянула
и заплакала.

— Чему же,
дочька, ты не рада?
Отдал ей солдатский ужин:
— Ну, не плачь, не надо.
И бойцы, спеша, украдкой
сахар ей дарили:
«Мать напоит чаем сладким.»
— Нет ее... убили.
— Что ж, коли нашлась дочурка
заберем?

Вестимо!
Хороша с майора бурка,
только пахнет дымом.
Велика? Беда какая!
Подрастем немного...
И—тачанка полковая
катится дорогой.

Ты, дорога фронтовая,
слава боевая!

г. Сталинград—Паньшино.

Александр ЯШИН

НА ЗАПАД

Нынче в Сталинграде тишина,
День пройдет—ни выстрела, ни взрыва.
Как шторма от тихого залива
Далеко от города война.

Свет мелькнувшего грузовика,
Скрип саней, скользящих за верблюдом,
Дробный стук стального молотка,
Шум деревьев,
Первый рев гудка—
Все воспринимается, как чудо.

Люди, и дома, и берега
Снова к солнцу головы подняли.
Мы сломили армии врага,
Волжскую твердыню не отдали.

И, сближая города страны,
Волгу-матушку с Невой рекою
Музыкою радио-волны,
Гулом океанского прибоя,

Шумом горных осиянных вод,
Солнечным немеркнущим сияньем,
Как запев былинный, как сказанье,
Над землею русскою растет
Добытое кровью ликованье.

Слава всем, кому неведом страх,
Слава непреклонному народу,
Слава—кто с оружием в руках,
На полях, в цехах, на рудниках
Защищает дом свой и свободу!

Слава знаменитым городам,
Партизанским селам и округам,
Слава нашим боевым подругам,
Морякам, идущим по следам
Вражеским и с севера и с юга!

Слава командирам и бойцам,
Павшим в этой битве небывалой,
Слава русским воинским сердцам,
Слава нашим детям и отцам,
Слава мужественным генералам!

Славу поднимает весь народ,
Вся двухсотмильонная держава —
Сталину, который нас ведет, —
Сталину всечеловечья слава!

ПУСТЬ БОЙ БЕСПОЩАДЕН И СТРАШЕН,
НАШ ГОРОД ТЫ БУДЕШЬ ТАКИМ:
ПРОСТОРНЫМ, ПРОЗРАЧНЫМ, ЖИВЫМ,
ПРЕКРАСНЫМ, КАК В ПАМЯТИ НАШЕЙ!

Евг. ДОЛМАТОВСКИЙ

СТАЛИНГРАД

Его мы любили таким—
Просторным, цветущим и стройным,
Веселым, стеклянным, сквозным,
Трудящимся, чистым, спокойным.
Казалось—в нем все города
Сошлись показать свою прелесть.
Его отражала вода
И песни над Волгою пелись.
Подстриженный солнечный сад
Мы Тракторным звали заводом.
Любимец страны—Сталинград—
Как в сказке, светлел с каждым годом.
К нему подступила беда,
Нежданно, как к горлу рыданья.
Забыть ли то утро, когда
Их танки пошли по окраине?
Он с воздуха весь разнесен,
Обстрелом с земли изувечен.
Но образ его, как закон,
Незыблим в душе человечьей.
Мы любим наш город таким—
Суровым, бесстрашным и твердым
Разбитым, сгоревшим, ночным,
Несчастным, но все-таки гордым.
Любовь эта очень крепка.
Ей служит страданье основой.
Так любят отца-старика.
Так любят ребенка больного!
В сраженьи за город родной
Достанется право любить нам:

За каждую комнату—бой,
За каждую улицу—битва!
Нет, сердцу мириться нельзя
С обуглевшей черною тучей,
И только закрою глаза,
Вновь вижу я город цветущий.
Словам не изменим своим.
Пусть бой беспощаден и страшен.
Наш город ты будешь таким:
Просторным, прозрачным, живым,
Прекрасным, как в памяти нашей!

МЫ—СТАЛИНГРАДЦЫ

Наступит день—конец громам,
Раскатам орудийным.
Мы разойдемся по домам
Весенним утром дивным.

Сибиряки уйдут в Сибирь
И москвичи в столицу,
Но в сердце город-богатырь
Навеки сохранится.

И если спросит кто-нибудь:
Скажи, откуда родом?
Мы вспомним огненный свой путь
По бурям и невзгодам.

Пусть ты в других долинах рос
И пробыл здесь недолго,
Но отвечая на вопрос,
Припомнишь Дон и Волгу.

Мы—сталинградцы по крови,
За город свой пролитой,
Мы—сталинградцы по любви,
Снарядом не пробитой.

Всегда везде узнают нас
Не только по медали,
По блеску наших зорких глаз,
В которых твердость стали.

Мы—сталинградцы всей душой,
Всей яростью и силой.
Всей выдержкой своей большой
В боях за город милый.

Мы стали боевой порой
Взрослей, суровей, строже,
И сталинградец и герой
Теперь одно и то же.

Сложилось в яростных боях
Землячество и братство.
Навек единая семья—
Герои-сталинградцы.

С. ГУДЗЕНКО

СТАЛИНГРАДСКАЯ ТИШИНА

Последний залп.
И после дней бессонных
Дождались мы невиданного сна,
И, наконец-то, с третьим эшелоном
Сюда пришла сплошная тишина.
Она лежит,
        неслыханно большая,
На гильзах и на битых кирпичах.
Таким сердцебиеньем оглушая,
Что с ходу засыпаешь сгоряча.
И сталинградец в эту ночь впервые
Снял сапоги и расстегнул ремни.
...Не всех убитых погребли живые,
Но в очагах затеплились огни.

И пусть кружатся «Юнкерсы» над нами,
Испуганно разглядывая флаг.
Спит без сапог.
        пудовыми кусками
Прилип к ним рыжеватый известняк.

З. КАЦ,
М. ТАЛАЛАЕВСКИЙ

МЕДАЛЬ ПОБЕДЫ

Муаровая лента,
Чеканная медаль...
И вот летит легенда
И нас уносит вдаль—

К руинам Сталинграда,
К изрытым берегам,
Где встали мы преградой
Наперекор врагам.

Багряная полоска
На ленточке легла...
Не так ли степью плоской
И наша кровь текла?

Пускай от боли иней
Ложился на висок,
Но стала степь твердыней,
И камнем стал песок.

На бронзовой медали—
Бойцов железный ряд.
Такими нас видали
И Вождь и Сталинград.

Медаль сверкает яро,
Вся в отсветах огня,
И полымя пожаров,
И Волги блеск храня.

Вперед, сквозь ночь и беды!
Тверды сердца, как сталь.
Гори звезда победы—
Чеканная медаль!

Старший сержант Д. БОБЫРЬ

СТАЛИНГРАДЦЫ

С любовью мы на них глядим,
На тех, что нашей славой стали,
Что носят слева на груди,
За Сталинград родной медали.

Любовь к великим и родным,
Народу, Сталину, Отчизне
Сил придавала смело им
Итти на смерть во имя жизни.

— Ни шагу! Ни на пядь назад!—
Так приказал в те дни им Сталин.
И грудью шли за Сталинград,
И выстояли!
И не сдали!..

И славу вечную стяжать
Себе сумели сталинградцы
Умевшие на-смерть стоять,
И не умевшие сгибаться.

Мы с гордостью на них глядим
На тех, что нашей славой стали,
Что носят слева на груди
За Сталинград родной медали.

Анатолий САФРОНОВ

ВИШНЯ

О том, что здесь она росла,
Что цветом розовым цвела,—
Узнали мы не по корням,
Не по изломанным ветвям,—
Узнали мы по ней самой,
Слыхавшей свист гранат зимой,
Видавшей смерть сто тысяч раз
И не умершей в смертный час.

Среди разбитых кирпичей,
Дрожа изодранной корой,
Сто пятьдесят слепых ночей
Она стояла, как герой;
Как те герои, что кругом
У ног ее лежали в ряд;
Как каждый камень, каждый дом,
Как весь багровый Сталинград.

Война ушла, весна пришла,
И—вишня снова расцвела.
И отцвела... И вот—висят,
Под солнцем ягоды блестят.
Уже не кровь—вышневый цвет,
Уже не дым—вдали рассвет,
Уже не бред—в землянке сон,
Уже не смерть—железа звон.

Искала долго свой очаг
Седая женщина в пыли;
Печаль и гнев в ее очах
Вперед намного дней легли.
Вдруг увидала: средь камней
Стояла вишня в двух шагах...
И догадалась: перед ней
Лежал ее жилища прах.

Но рядом вишня так цвела,
Ветвями так к себе звала,—
Что пепел женщина смела,
Шатаясь, к вишне подошла,
Припала к ней...
И с той поры
Здесь зазвенели топоры,
У вишни тонкой, вкруг нее,
Над Волгой новое жилье.

Ст. ОЛЕЙНИК

СТАЛИНГРАДСКОЕ УТРО

Израненный в битве кровавой,
Встаешь ты над пеплом руин,
Овеян солдатскою славой,
Как витязь народных былин.

Измучен, изрыт блиндажами,
Но трижды любим и такой—
Ты будешь сиять этажами
Над русской привольной рекой.

Где нынче воронки и камень—
Воздвигнем заводы опять.
Ты будешь, как прежде, гудками
Рассветы и солнце встречать.

Я вижу, как силы утроив,
Душой твою землю любя,
Семья сталинградцев-героев
Навек возрождает тебя.

Где вихрились грозы метелей,
С зарей на воинственный труд,
Как в бой, из землянок и щелей
Строители в цехи идут.

Идут из задымленных дзотов
На волжском крутом берегу,
Откуда огнем пулеметов
Строчили они по врагу,

Где жизнью клялись: не сдадимся!
Дыша до кончины тобой,
Откуда водил их Родимцев
В последний решительный бой.

Идут те, что смерть побеждали,
На битвы, что ждут впереди,
На солнечной светлой медали
Храня твою честь на груди.

Под ритм их труда и похода
Рождается песня и стих...
Что день—то все больше народа
На улицах страшных твоих.

Приезжий, чтоб сразу увидеть,
Каков ты могуч, великан—
Дорогой гвардейских дивизий
Спешит на Мамаев Курган.

Прошли к «Баррикадам» девчата.
Роднее на свете им тут...
Вот дворник с метлой и лопатой.
С рассветом наводит уют.

Спешат ребятишки с задором
В свой класс, что в четыре шага...
И где-то взрывают минеры
Предсмертную злобу врага.

Навстречу от барж, пароходов
Идут—за отрядом отряд—
Посланцы республик, народов...
Тебя возрождать, Сталинград!

Полны они жизни и силы
Наследники славы отцов.
...Идут мимо свежей могилы
На площади Павших борцов.

Идут, не роняя ни слова,
По скверу, по улице той,
Где шла сталевар Ковалева
В атаку за город родной.

Дают они клятву отчизне
Века твою честь охранять,
Труду, возрождению жизни,
Тебе свои силы отдать.

Чтоб город красавец и мститель,
Чтоб город—народный герой,
Чтоб город—борец, победитель
Садами расцвел над рекой,

Чтоб снова огней перламутры
Увидел над ним человек...

. . . .

Таким, сталинградское утро,
Запомню тебя я навек.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Стр.

Редактор А. Г. Филиппов.
Технический редактор В. Ф. Крашенинникова.
Рисунки художника В. М. Петинова.
Обложка художника Н. Н. Скокова.
Корректор В. Г. Камендровская.

Сталинградское книгоиздательство. Издание № 1.
Сдано в набор 30/X—1943 г. Подписано к печати 8/I—1944 г.
Печатных листов 7¼. Учетно-издат. листов 7,9.
Тираж 10000. НМ—07517.

Астрахань, тип. изд-ва „Коммунист“. Заказ № 5168.

5 РУБ